

№ ЭПЗ-М3 | МОСКВА | 15.12.2025

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по результатам лингвистического анализа транскрипции видеозаписи

ИСПОЛНИТЕЛЬ:

Автономная некоммерческая организация
«Московский центр судебных экспертиз «Правосудие»

ОГРН: 1237700507692 | ИНН: 7751261792 | КПП: 775101001

Юр. адрес: 108803, г. Москва, поселение Сосенское, п. Коммунарка,
ул. Александры Монаховой, д. 94/к2, к. 166
Тел.: 8-900-300-90-90 | E-mail: IAML77@yandex.ru

РУКОВОДИТЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ:

Президент - Сыромятников Павел Игоревич

ЭКСПЕРТ-ИСПОЛНИТЕЛЬ:

Газиев Марат Рашидович,
юрист, лингвист, теолог (Воронежский
государственный университет, 1999 г.), МИИ (Москва)
Президент Международной ассоциации
юристов мусульман «МАЮМ»

ПРЕЗИДЕНТ
АНО «Московский центр
судебных экспертиз
«Правосудие»
Сыромятников П.И.

ЭКСПЕРТ-ИСПОЛНИТЕЛЬ
Президент
Международной
ассоциации юристов
мусульман «МАЮМ»
Газиев М.Р.

1. Введение

Настоящее независимое лингвистическое заключение (исследование) подготовлено автономной некоммерческой организацией Московский центр судебных экспертиз Правосудие (ОГРН 12377000507692, ИНН 7751261792, КПП 775101001) на основании обращения Ахтямова Дамира Рифатовича о необходимости проведения лингвистического анализа видеоматериала, размещенного в сети Интернет.

Основанием для подготовки заключения послужило письменное обращение Заказчика с просьбой провести лингвистическое исследование высказываний, содержащихся в видеоролике «Апти Алаудинов VS поп-исламофоб. Почему чеченцы, а не мы?», опубликованном на платформе YouTube на канале «Мансур Гнеев» по адресу: <https://youtu.be/UMqT74fmZ2c>. По состоянию на дату проведения исследования видеоролик доступен для свободного просмотра, дата его публикации указана как 10 июня 2025 года, продолжительность составляет 10 минут 59 секунд.

Настоящее заключение подготовлено на основании материалов, представленных Заказчиком, а именно: ссылки на указанный видеоролик и текстовой расшифровки (транскрипции) речевого ряда, выполненной по содержанию данного видеоматериала. Текст расшифровки сопоставлялся со звучащей речью видеоролика в целях уточнения границ цитат, принадлежности реплик и контекста. Интонационные характеристики учитывались только в тех случаях, когда они прямо проявляются в речевой организации высказывания и подтверждаются звучащей речью.

В рамках исследования анализировалась устная речь участников видеоролика, а также все текстовые элементы, сопровождающие видеоряд: название ролика, возможные текстовые вставки на экране, титры, подписи и иные фрагменты письменной речи, если они присутствуют и влияют на понимание смысла. Указанные элементы рассматривались как часть коммуникативной рамки сообщения и учитывались при определении адресата, границ цитирования и контекста реплик.

Отдельно учитывалось название видеоролика: «*Апти Алаудинов VS. поп-исламофоб. Почему чеченцы, а не мы?*». Наличие маркера противопоставления (VS), оценочной номинации «*поп-исламофоб*» и

вопросной конструкции «почему ... а не мы?» задает конфликтно-полемическую установку и заранее формирует ожидаемую перспективу восприятия: обсуждение строится как спор с идеологическим оппонентом и обращение к “своей” аудитории с мотивом солидарности и мобилизации. Этот паратекст не подменяет анализ содержания высказываний, но влияет на интерпретацию коммуникативной цели и адресности отдельных фрагментов.

Также принималось во внимание, что ролик имеет монтажный характер: в нем сочетаются авторская речь создателя видео и вставные фрагменты (цитаты, пересказ, воспроизведение чужих реплик). Визуальные компоненты (смена кадров, логотипы, изображения спикеров и т.п.) учитывались только как вспомогательный контекст в целях корректной атрибуции высказываний, уточнения границ цитат и сопоставления транскрипции со звучащей речью; самостоятельный анализ невербальных средств (videоряда как такового) не являлся предметом настоящего лингвистического исследования.

В связи с этим принципиальное значение имеет разграничение авторских высказываний и цитируемых реплик, а также анализ характера авторской реакции на воспроизведимые высказывания. Негативно окрашенные формулировки, произнесённые третьими лицами и воспроизведимые в видеоролике, не могут автоматически приписываться автору видеозаписи без установления границ цитирования и коммуникативной функции таких вставок.

Визуальные и паратекстуальные элементы видеоролика (изображения, логотипы, титры и иные текстовые вставки на экране) рассматривались как элементы коммуникативной рамки сообщения. Их анализ использовался исключительно для уточнения источника воспроизведенной речи, предмета обсуждения и адресата авторской критики. В частности, демонстрация логотипа неформального объединения «Русская община» в начальном фрагменте видеоролика задаёт контекст обсуждения и указывает на то, что дальнейшие оценочные высказывания автора соотносятся с деятельностью и публичными заявлениями данного объединения и его представителей, а не с этнической или национальной группой русских в целом.

Работа по подготовке экспертно-лингвистического заключения началась 5 декабря 2025 года и окончена 15 декабря 2025 года.

Настоящее экспертно-правовое заключение носит характер независимого лингвистического исследования, выполненного по

обращению Заказчика, и не является судебной экспертизой, назначенной в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством. Выводы сформулированы исключительно на основе представленных материалов и примененных лингвистических методов и предназначены для использования Заказчиком и его представителем при правовой оценке рассматриваемого видеоматериала и содержащихся в нем высказываний.

2. Объекты исследования

Объектами исследования являются:

1) Видеоролик «Апти Алаудинов VS поп-исламофоб. Почему чеченцы, а не мы?», размещённый на платформе YouTube по адресу: <https://youtu.be/UMqT74fmZ2c>, опубликованный на канале «Мансур Гнеев». Дата публикации: 10 июня 2025 года. Продолжительность: 5 минут 09 секунд.

2) Текстовая транскрипция речевого ряда указанного видеоролика, предоставленная заказчиком.

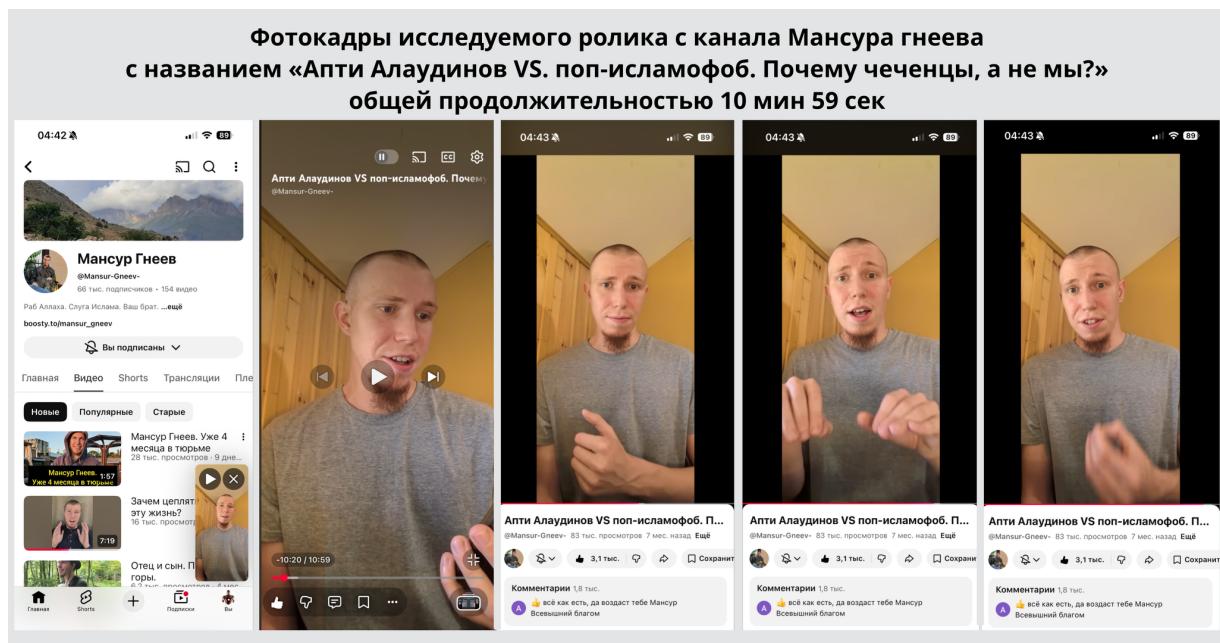
При описании объекта исследования учитывались визуальные элементы видеоролика, в том числе изображения, логотипы и текстовые вставки, используемые автором для идентификации источников воспроизведенной речи и обозначения предмета обсуждения. В начальном фрагменте видеоролика демонстрируется логотип неформального объединения «Русская община», что позволяет рассматривать данный визуальный элемент как указатель на конкретный объект критики и обсуждения в рамках ролика. Указанный логотип используется для атрибуции воспроизведенной речи и уточнения адресата авторских оценочных высказываний и не рассматривается как характеристика этнической или национальной группы русских в целом.

Транскрипция речевого ряда видеоролика приведена в редакции заказчика с исправлением явных орфографических ошибок в именах собственных):

[00:00:00] - [00:00:10]

(Говорит автор канала Гнеев) Ассаляму алейкум ва рахматуллахи ва баракату. Дорогие братья и сёстры, недавно произошло несколько событий, которые возмутили всех мусульман России.

[00:00:10] - [00:00:24]

(Демонстрация 5-ти фотографий: фото логотипа «Русской общины», 2-х фотографий Андрея Ткачука, 1 фото неизвестного бородатого мужчины в кепке, 1 фото лежащего, предположительно пьяного мужчины в шапке, закадровая, замедленная речь Андрея Ткачука) Привет, община. Так, с вами один из координаторов русской общины Андрей Ткачук. Следующие несколько минут мы поговорим о новостях, которые тревожат всю Россию. (Звук, похожий на икоту человека и звук падающей стеклянной бутылки (посуды).

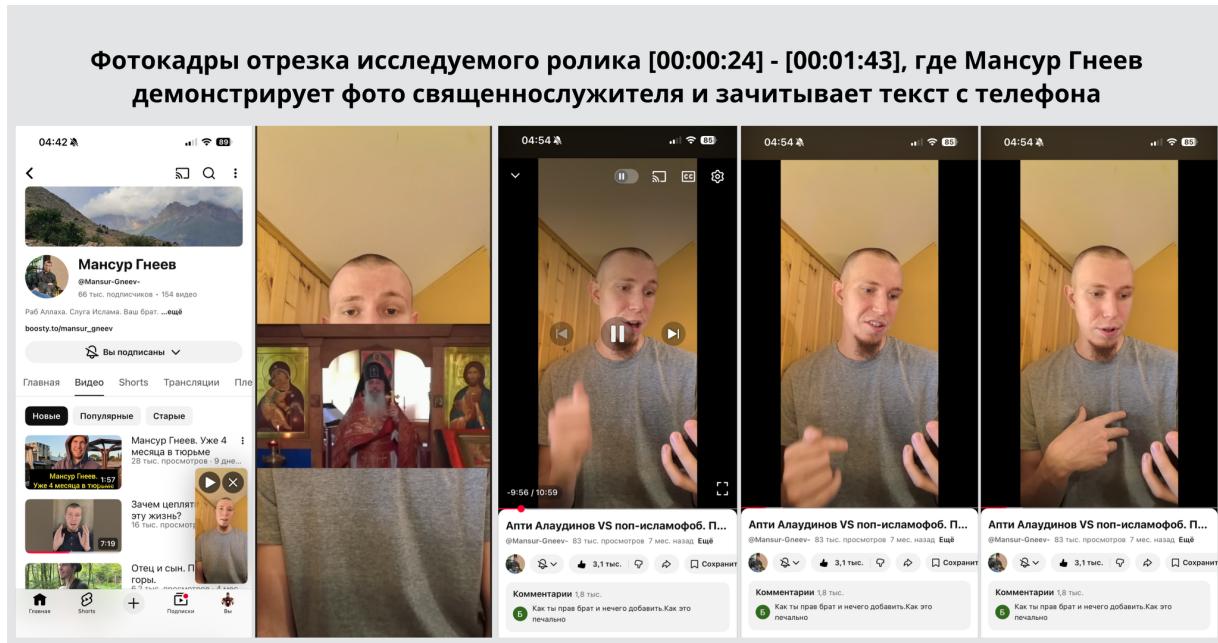
Вставка 5-ти фотографий в видео-отрезке [00:00:10] - [00:00:24]

[00:00:24] - [00:01:43]

(Говорит автор канала Гнеев, демонстрируется фото с священнослужителя) Высокопоставленный священник в своей недавно нашумевшей проповеди назвал всех мусульман в Москве, празднующих Курбан-байрам, фактически армией головорезов. Цитата (Гнеев зачитывает текст с телефона): "В те дни, когда у них Курбан-байрам, нет движения по этой двенадцатиполосной магистрали, 12 полос, шесть в одну и шесть в другую сторону". И вот с балкона люди снимают от метро проспект Мира. И туда вдаль, по Ярославскому шоссе, не видно конца. Людьми покрыто всё пространство. И эти люди, мужчины, здоровые, непьющие мужчины, которые все занимаются борьбой, ходят в спортзалы на тренировки. Это армия целая. И если им прикажет мулла в один прекрасный день вырезать москвичей, поверьте мне, они это быстро сделают, потому что МВД не успеет даже пикнуть и справиться, и результат будет очень печальный.

Почему они сильны? А вот я говорю ещё раз, потому что они скреплены единственной скрепой. Это вера, пусть даже неправильная, но это вера. (Гнеев закончил зачитывать цитату).

(Говорит автор канала Гнеев) Ну, откровенно дурацкое вообще заявление. Осуждаем сказанное им. Фактически он назвал преступниками всех мусульман Москвы и добавил ещё, что у нас вера неправильная.

[00:01:44] - [00:02:15]

Вскоре слова этого церковника прокомментировал генерал Апти Алаудинов.

(*Демонстрация видео с речью Апти Алаутдинова*) Какой-то дебил который натянул на себя рясу. Реально, кроме как дебил я его не назову. Это представители войска антихриста. Никак по-другому. Рассказывает дум миллиардам мусульман, что у нас вера неправильная. Хм. У меня встаёт вопрос: а ты кто такой, чтобы такие вещи говорить? В России проживает коренных 30 млн мусульман. И что ты нам хочешь рассказать? Какая у нас вера, правильная или неправильная?

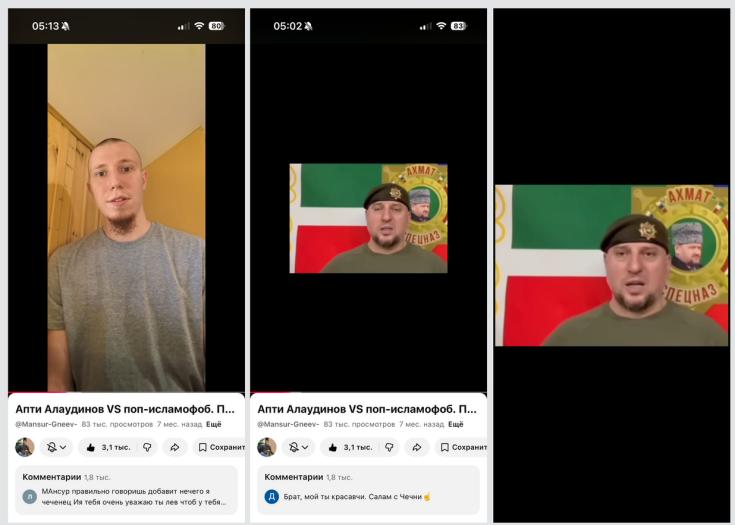
[00:02:15] - [00:02:42]

Ещё один дебил тоже делает такие провокационные вбросы. Ну и у меня встаёт вопрос. Вот надо обязательно, чтобы кто-то пошёл, нарушил закон и что-то сделал для того, чтобы вот такие вот дебилы не говорили таких вещей.

И если любой поднимает голову национализма, эту голову надо срубить просто. Её надо срубить эту голову.

**Фотокадры из отрезка
исследуемого ролика
[00:01:44] - [00:02:42],
где Апти Алаутдинов
анализирует
высказывание
священнослужителя**

[00:02:42] - [00:03:01]

(Говорит автор канала Гнеев) На следующий же день священник был моментально отстранён от своей церковной должности. Тут же выпрыгнула русская общага и начали делать то, что у них получается лучше всего: топать ногами, скандалить и возмущаться. Но, как показывает практика, они всегда находят повод поскандалить и поднять шум, как базарные бабы.

[00:03:01] - [00:03:32]

Потом общажники и прочие хобалки начали выгораживать попался, что он никого не хотел оскорбить и даже и не оскорбил. Вам показалось? Точно так же, как показалось, когда Стукачук назвал мусульман «басурманской нечистью». Нет, нет, нет. Этот поп имел в виду радикальных, плохих, злых мигрантов, а вовсе не всех мусульман. Хотя в его проповеди единого слова про мигрантов, зато слова про мусульман в наличии.

[00:03:32] - [00:04:04]

Мусульмане в Москве собраны со всей России. Это колоссальный город. Это мегаполис. Там далеко не только мигранты живут. Вот и, значит, общажники согнали толпу на Комсомольское собрание. Бородатый скуф с листка засчитал заранее заготовленную гневную речь, требуя вернуть попу должность, священнику должность и

проверить, жёстко проверить генерала Алаудинова, подвергнуть жесточайшим проверкам.

[00:04:04] - [00:04:17]

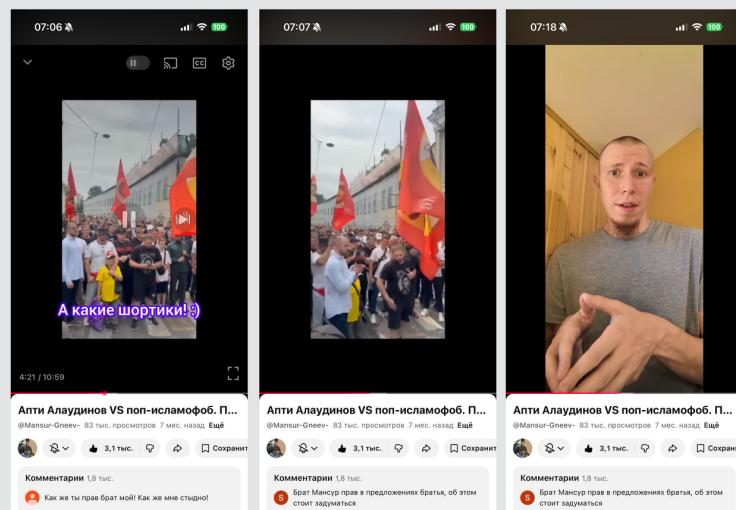
Толпа, дирижируемая фашиками из русобщины, естественно, улюлюкала, а где им было велено, там радостно в захлёб хлопали ладошками.

[00:04:17] - [00:05:08]

(Демонстрация видео-отрезка с выступлением человека в шортах на фоне толпы людей с флагами с титрами «А какие шортики!») Обращаемся к руководству Русской Православной Церкви с требованием восстановить в должности настоятеля сочинского подворья, отца Гавриила. Проповедник сказал очевидные факты об огромном количестве приезжих, объединённых по религиозному принципу, которые завозятся в Россию.

Считаем недопустимым оскорблениe православного священника и угрозы в его акт. Решение о снятии с игумена Гавриила наносит непоправимый урон репутации Русской Православной Церкви. Также мы, граждане России, требуем от органов следствия, военной прокуратуры разобраться и дать правовую оценку словам, сказанным публично должностным лицом в форме генерала Российской армии в адрес русского православного священника, где он угрожает убийством и оскорбляет чувство верующих людей. Всё! (апплодисменты).

**Фотокадры из отрезка
исследуемого ролика
[00:04:17] - [00:05:08],
где человек в черных
шортах зачитывает
обращение на фоне
людей с флагами и
символикой «Русской
общины»**

[00:05:08] - [00:05:34]

Говорит автор канала Гнеев) У меня вопрос. А почему мы не поддержали слова генерала Алаудинова? Как бы вы к нему не относились, да, он впрыгся за мусульман, но за па за священника вышли, а за генерала Алаудинова не вышел никто. И притом, я уверяю, никого бы не посадили за поддержку слов генерала Российской армии. Чего бояться-то? Отсиделись.

[00:05:34] - [00:06:11]

Также, я думаю, мало кого обошёл стороной случай, когда ещё один дегенерат оскорблял чеченцев, дагестанцев и мусульман в целом. А затем его аккуратненько так упаковали прямо с вокзала и запихнули в багажник машины, четверо бойцов чеченского происхождения. И опять фашисты, либералы, сионисты, ЛГБТшники единым фронтом заверещали. А какие плохие чеченцы украли человека. Ай, беспредел.

[00:06:11] - [00:06:59]

Ну да. А когда окружают дома мусульман, уроды в масках, когда мусульман бьют толпами, то это по закону. Это не беспредел. Какая всё-таки гнилая и примитивная публика вот у этих фашистско-сионистских инфопомоек. Но обсудить я хотел не это. Мне о другом хочется с вами поговорить, вернее, спросить, задать вопрос, братья мои, а почему вот у нас в России, когда наезжают на мусульман, на права мусульман, на нашу религию, почему в этих ситуациях реагируют и заступаются за ислам только такие люди, как Апти Алаудинов, Адам Делимханов? Как угодно, опять-таки, можете относиться к этим политическим фигурам. Это не предмет нашего разговора сегодняшнего.

[00:06:59] - [00:07:47]

Почему ислам в России защищают только чеченцы? А где все остальные? Где мы? Где русские мусульмане? Где татары? Где башкиры? Где другие кавказцы? В конце концов? Почему мы молчим? Почему у нас в стране за ислам заступаются всего несколько человек, которых можно пересчитать по пальцам одной руки, и все они чеченского происхождения? Почему мы боимся высказаться, осудить просто, осудить словесно, в то время как чеченцы всё уже на месте и уже тащат этого дегенерата в багажник машины? Пока мы сидим,

сопли жуём. Пока мы охаем, ахаем, ах, как он нас оскорбил. Ах, как он сказал, да уже надо сразу реагировать, а не сидеть и не охать, и не ахать.

[00:07:47] - [00:08:26]

Где наш дух, братья? Конечно, легко сказать. Вот чеченцы такие, чеченцы сякие. Но почему мы позволяем себе критиковать братьев чеченцев, в то время как они не боятся отстаивать нашу общую веру, а мы сидим и молчим, даже слово сказать не можем. Когда мы начнём просыпаться, братья, когда мы начнём защищать религию, сообща, а не ждать, когда это сделают за нас генералы, чиновники и так далее, когда в нас проснётся снова мужество защищать нашу религию от тех, кто её оскорбляет?

[00:08:26] - [00:08:59]

С каких пор мы стали такими беззубыми? Где наша инициатива? С каких пор мы стали безмолвной массой? Разве события этого года не говорят нам, не показывают нам, что пора просыпаться и проявлять здоровую активность? Я не зову никого ни на какие противоправные действия. Мы говорим о методах, которые укладываются в нашем правовом поле, в правовом поле нашей страны. С этим надо считаться. Таковы наши реалии, если мы не хотим сидеть.

[00:08:59] - [00:09:56]

Но действовать надо, напрягать надо вот это фашистское кодло, которое распоясалось у нас дома. И их надо не только напрягать точечно, их надо остановить. Или вы хотите, чтобы у нас лет через 5-10 было так же, как в Палестине сейчас? Хотите, чтобы нас не только оскорбляли открыто по религиозному признаку, но и убивали за намаз? Уверяю вас, если нацисты возьмут власть, а не попытаются взять власть, то отсидеться не получится. Тогда мы все горько пожалеем, что не выжгли эту раковую опухоль в зародыше. Тогда мы все горько будем сожалеть, что молчали и спихнули всю ответственность на Адама Делимханова, на Апти Алаудинова, на чеченцев и так далее, и так далее.

[00:09:56] - [00:10:39]

Давайте просыпаться, братья. Нас всех уже записывают в радикалы и головорезы просто за коллективный намаз в праздник

Курбан-байрам. Скоро мы уже в своей стране, в своей стране, где мы являемся коренными жителями, не сможем ни отмечать свои праздники, ни молиться, ни свободно исповедовать свою религию. И не надо ждать, когда генерал Алаудинов или ещё кто-то за нас скажет всё. А если он и скажет, то надо хотя бы поддержать. И если поддержать не его лично, то сказанное им в защиту и слабо.

[00:10:39] - [00:10:59]

Надо учиться, братья, защищать себя. За нас это никто не сделает. Кто это будет делать? Наши сёстры, что ли? Благодарю всех за внимание. Барак Аллаху фикум. Ассаляму алейкум ва ракхматуллахи ва баракату (*Конец ролика*).

3. Поставленные перед экспертом вопросы

В соответствии с обращением Заказчика Ахтямова Д.Р., поступившим в адрес НКО «Московский центр судебных экспертиз «Правосудие», о проведении независимого лингвистического исследования видеоматериала, на разрешение специалиста поставлены следующие вопросы:

Вопрос № 1. Имеются ли в видеозаписи «Апти Алаудинов VS. поп-исламофоб. Почему чеченцы, а не мы?» высказывания, содержащие негативную оценку и (или) унижение достоинства человека либо группы лиц, выделяемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе? Если да, выражено ли в видеозаписи обоснование такой оценки?

Вопрос № 2. Имеются ли в видеозаписи «Апти Алаудинов VS. поп-исламофоб. Почему чеченцы, а не мы?» высказывания, выражающие утверждение необходимости совершения агрессивных либо насильственных действий по отношению к человеку или группе лиц, выделяемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе?

Вопрос № 3. Имеются ли в видеозаписи «Апти Алаудинов VS. поп-исламофоб. Почему чеченцы, а не мы?» высказывания, содержащие речевые лингвистические признаки одобрения, оправдания либо поддержки агрессивных или насильственных

действий в отношении человека либо группы лиц, выделяемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе?

4. Методы и исходные данные исследования

Настоящий раздел описывает комплекс методов и научных подходов, использованных при проведении анализа видеозаписи и ее транскрипции. Методология сформирована таким образом, чтобы обеспечить полноту ответа на поставленные вопросы, корректность интерпретации речевых актов и однозначность выделения адресатов высказываний.

Под *транскрипцией* в настоящем заключении понимается текстовая расшифровка звучащей речи видеоролика, предоставленная Заказчиком. Транскрипция рассматривается как текстовое отражение звучащей речи участников видеоматериала и используется как основной письменный материал анализа с учетом сопоставления со звучащей речью.

В исследовании применялись методы современной лингвистической экспертизы, дискурсивного анализа и анализа речевых актов. Каждый метод задействован в строго обозначенной функции и позволяет исключить произвольность толкования либо искажение смысла цитируемых фрагментов.

4.1. Семантический анализ

Семантический анализ направлен на установление значений слов, устойчивых выражений и фразеологических единиц, которые содержатся в транскрипции исследуемого видеоролика. Особое внимание уделяется исторически закрепленным значениям, включая архаизмы и разговорно-пониженнную лексику, такие как басурман, нечисть, фашистское кодло. Для подтверждения значений используются данные толковых, этимологических и исторических словарей.

4.2. Прагматический анализ

Прагматический анализ применяется для выявления коммуникативных намерений говорящего, включая эмоциональные, оценочные, угрожающие и конфликтные интенции. Метод позволяет

определить, направлено ли высказывание на группу лиц, на конкретного человека либо представляет собой описание ситуации без адресного воздействия.

4.3. Контекстуальный анализ

Контекстуальный анализ позволяет установить смысл высказывания не изолированно, а в связке с ближайшим и широким контекстом. В частности, если говорящий употребляет оценочную или оскорбительную номинацию, устанавливается, адресована ли она религиозной группе, отдельному лицу либо произносится в рамках пересказа чужих слов как вставная речь.

4.4. Дискурсивный анализ

Дискурсивный анализ применяется для оценки структуры, логики и динамики высказываний, включая переходы между цитируемыми вставками и авторскими комментариями. Он позволяет выявить функции вставных фрагментов, например демонстрацию провокационного высказывания третьего лица перед его последующей критической оценкой автором видеоролика.

4.5. Анализ речевых актов

Анализ речевых актов используется для определения типа языкового действия: обвинение, оскорблениe, оценка, призыв, предупреждение, выражение несогласия, поддержка, побуждение или оправдание. Этот метод необходим для разграничения негативной оценки, побуждения к действию и оценочного оправдания, что важно для корректного разграничения вопросов № 1, № 2 и № 3.

4.6. Анализ модальности

Анализ модальности позволяет выделить выраженные в тексте формы необходимости, долженствования, угрозы, возможности или желательности. В частности, конструкции с модальными маркерами (надо, должны, следует, могут, если прикажет, не успеет пикнуть) рассматриваются как элементы, значимые для оценки наличия утверждений о необходимости действий либо оправдания агрессивных действий.

4.7. Анализ адресата и групповой идентификации

Анализ адресата и групповой идентификации применяется для установления того, кому конкретно адресовано высказывание: религиозной группе, этнической группе, неопределенному кругу лиц, идеологическому течению или отдельному лицу. Этот метод является ключевым при установлении наличия либо отсутствия высказываний, направленных против лиц или групп, выделяемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе.

4.8. Лексикографический анализ

Лексикографический анализ используется для проверки значений слов и выражений со сниженной или специфически окрашенной стилистикой: басурман, нечисть, дегенерат, фашистское кодло и др. Метод позволяет установить, является ли выражение историческим архаизмом, метафорой, оскорблением, обобщением либо символическим обозначением.

4.9. Разграничение вставной и авторской речи

Разграничение вставной и авторской речи имеет ключевое значение при анализе данного видеоматериала. В ролике систематически используются цитаты других лиц (Андрей Ткачук, священнослужитель, Апти Алаудинов). Разделение цитируемых высказываний и авторских оценок Гнеева позволяет исключить ошибочную атрибуцию негативных формулировок автору ролика и корректно установить, кому именно принадлежат конфликтные высказывания.

В рамках настоящего исследования применялся контекстуально-семантический анализ устной речи в совокупности с учетом медиатекстовой структуры видеоролика. Визуальные элементы видеозаписи (изображения, логотипы, титры и иные текстовые вставки на экране) рассматривались не как самостоятельные невербальные высказывания, а как вспомогательные компоненты медиатекста, позволяющие уточнить источник воспроизведенной речи, границы цитирования, адресата высказываний и условия их восприятия адресатом. Анализ указанных элементов осуществлялся исключительно в пределах лингвистической компетенции и не включал оценку художественных, эстетических либо этических аспектов видеоряда.

4.10. Вывод о достаточности методологии

Перечисленные методы в совокупности обеспечивают всестороннее решение поставленных вопросов. Они позволяют определить смысл цитируемых высказываний, выделить их адресата, установить наличие или отсутствие негативной оценки группы лиц, а также зафиксировать наличие либо отсутствие модальных маркеров призывов, утверждений о необходимости действий либо оправдания насилия и выявить границы между эмоциональной реакцией и фактическими обобщениями.

Текстовая транскрипция сопоставлялась со звучащей речью видеоматериала в пределах представленных материалов, что позволяло уточнять границы высказываний, принадлежность реплик конкретным участникам и корректность фиксации ключевых языковых формул. Интонационные особенности учитывались ограниченно - только как элемент прагматической интерпретации в тех случаях, когда они явно выражены в звучащей речи и имеют значение для понимания речевого акта (например, ирония).

4.11. Осмотр и описание объекта исследования (видеоматериала)

Объектом настоящего лингвистического исследования является видеоролик под наименованием «Апти Алаудинов VS. поп-исламофоб. Почему чеченцы, а не мы?», размещённый в сети Интернет на платформе YouTube на канале «Мансур Гнеев» по адресу: <https://youtu.be/UMqT74fmZ2c>.

Видеоролик представляет собой аудиовизуальный материал продолжительностью 10 минут 59 секунд, содержащий устную монологическую речь автора канала, а также включения фрагментов чужой речи в виде цитирования и воспроизведения высказываний третьих лиц (в том числе в составе вставных видеофрагментов). Осмотр объекта исследования осуществлялся путём просмотра видеоматериала на странице его размещения и фиксации идентифицирующих реквизитов объекта: наименование, канал распространения, адрес размещения, указанная на странице информация о продолжительности и иные видимые атрибуты публикации, относящиеся к данному ролику. Техническая экспертиза

(включая исследование исходных файлов, метаданных, параметров кодирования и т.п.) в рамках настоящего заключения не проводилась.

В рамках осмотра установлено, что основным содержательным компонентом видеоролика является речевой ряд. Визуальный ряд носит преимущественно сопроводительный характер и используется: (а) для визуального сопровождения авторской речи; (б) для демонстрации источников цитируемых фрагментов и переключения между участниками; (в) для уточнения границ вставных фрагментов и принадлежности реплик конкретным участникам. Самостоятельные текстовые элементы (титры, надписи на экране), если они присутствуют, учитываются постольку, поскольку помогают корректно атрибутировать реплику и восстановить её контекст; при этом лингвистический анализ проводится по речевому ряду и его транскрипции.

Основным содержательным компонентом видеоролика является речевой ряд, в рамках которого автор:

- комментирует публичные высказывания иных лиц;
- воспроизводит фрагменты их речи в цитатной форме;
- даёт собственные оценочные и полемические комментарии.

Речь в видеоролике разворачивается последовательно, в хронологически выстроенной структуре и сопровождается переходами между отдельными тематическими блоками. При визуальном просмотре видеоматериала не выявлено признаков, указывающих на очевидную подмену смысла высказываний за счёт «склейки» реплик; вместе с тем установление наличия либо отсутствия монтажа как технического факта не относится к задачам лингвистического исследования и не является предметом настоящего заключения. Таймкоды и границы фрагментов в дальнейшем приводятся в соответствии с транскрипцией, предоставленной заказчиком.

Видеоролик имеет следующие паратекстуальные элементы,ываемые при осмотре объекта исследования как часть медиатекста:

- наименование (заголовок) видеоролика;
- описание видеоролика, размещённое на странице публикации;
- указание на автора и канал распространения, а также иные элементы страницы публикации, которые в обычном восприятии

сопутствуют просмотру (например, сведения о дате публикации, продолжительности и т.п.).

Наименование видеоролика содержит указание на ключевых участников обсуждаемой ситуации (Апти Алаудинов; священнослужитель, обозначенный автором как «поп-исламофоб») и задаёт конфликтно-полемическую рамку восприятия материала. Использование формулы противопоставления («VS.») и вопросительной конструкции («Почему чеченцы, а не мы?») ориентирует адресата на восприятие ролика как критического и оценочного высказывания, а также задаёт ожидаемую линию сопоставления позиций и поведения участников. При этом указанные паратекстуальные элементы учитываются в настоящем разделе как факторы первичного восприятия и контекст публикации; самостоятельная квалификация высказываний по признакам, указанным в вопросах, поставленных перед специалистом, осуществляется в аналитических разделах исследования.

Описание видеоролика (при его наличии) носит информативный характер и коррелирует с тематикой основного речевого ряда, не вводя самостоятельных смысловых установок, выходящих за пределы звучащей речи автора. В объект исследования включаются только те элементы описания, которые относятся к конкретному анализируемому ролику и доступны на странице публикации. Комментарии пользователей, рекомендации платформы и иные сторонние материалы страницы, не представленные заказчиком как объект исследования, в предмет исследования не включались и не анализировались.

Осмотр объекта исследования позволяет установить, что:

- видеоролик представляет собой единый законченный речевой продукт;
- основное смысловое наполнение формируется звучащей речью и коммуникативной организацией высказываний;
- структура видеоматериала допускает точное соотнесение звучащих фрагментов с таймкодами;
- объект исследования пригоден для лингвистического анализа по поставленным вопросам.

Дальнейший анализ осуществляется на основании транскрипции речевого ряда, сопоставленной со звучащей речью видеоролика, с учётом его наименования и иных паратекстуальных элементов как

контекстуальных факторов интерпретации, без выхода за пределы компетенции лингвистического исследования. Осмотр и описание объекта исследования в настоящем разделе не предполагают оценки содержания высказываний, определения их направленности либо установления признаков агрессии, насилия, одобрения или оправдания таких действий. Лингвистический анализ речевых актов, модальности, адресата и оценочной лексики осуществляется исключительно в последующих разделах исследования.

5. Исследование и анализ

Исследование выполнено на основе видеоматериала и транскрипции речевого ряда видеоролика, предоставленных заказчиком. Транскрипция рассматривается как текстовое отражение звучащей речи участников видеоматериала и используется как основной носитель речевого материала для лингвистического анализа.

Текст транскрипции сопоставлялся со звучащей речью видеоролика в целях уточнения границ цитат, принадлежности реплик конкретным участникам, а также сохранения смыслового контекста высказываний. При наличии расхождений приоритет отдавался звучащей речи, поскольку именно она является первичным речевым фактом.

Вставные фрагменты и цитаты третьих лиц анализируются отдельно от авторской речи создателя видео. При разграничении авторской и вставной речи учитывались формальные признаки переключения дискурса (вводные конструкции, указания на источник, переходы между блоками), а также композиционная организация видеоролика.

Результаты исследования приводятся последовательно в соответствии с вопросами, поставленными перед специалистом, и с учетом хронологического развертывания содержания видеозаписи. Таймкоды приводятся в соответствии с транскрипцией, представленной заказчиком, и используются как средство однозначной локализации анализируемых фрагментов.

В ходе исследования применялись методы, указанные в разделе 4: семантический и прагматический анализ, контекстуальный анализ, дискурсивный анализ и анализ речевых актов, анализ модальности, выявление адресата и признаков групповой идентификации, анализ эмоционально-оценочной и экспрессивной лексики, а также

лексикографический анализ. Эти методы использовались в комплексе, чтобы установить: (а) смысл высказываний в контексте, (б) адресность и объект оценки, (в) наличие либо отсутствие обобщающих характеристик групп лиц, (г) наличие либо отсутствие побудительных и оценочных компонентов, связанных с агрессией или насилием.

При анализе учитывались паратекстуальные элементы медиатекста (наименование видеоролика, сведения о канале распространения, описание на странице публикации) как факторы коммуникативной рамки и первичного восприятия материала адресатом. Указанные элементы используются как контекст интерпретации, при этом выводы о наличии либо отсутствии признаков, указанных в поставленных вопросах, формируются на основе анализа речевого ряда и конкретных высказываний.

Интонационные и просодические характеристики учитывались только в тех случаях, когда они явно проявляются в речевой организации высказывания и подтверждаются звучащей речью (например, при выраженном сарказме или иронии, либо при маркированном цитировании). Невербальные элементы (жесты, мимика, оформление кадра) самостоятельному лингвистическому анализу не подвергались, за исключением случаев, когда они прямо служат средством атрибуции реплики или разграничения вставной и авторской речи.

Настоящий раздел не содержит правовой квалификации и не подменяет оценку компетентных органов; исследование направлено на выявление и описание лингвистически значимых признаков в речевом материале в пределах поставленных вопросов.

5.1. Анализ высказываний, содержащих признаки негативной оценки и (или) унижения достоинства

В соответствии с вопросом № 1, сформулированным в разделе «Вопросы, поставленные перед специалистом», анализу подлежат высказывания, в которых могут содержаться признаки негативной оценки и (или) унижения достоинства человека либо группы лиц. Такие группы в рамках лингвистического исследования выделяются по признакам национальности, происхождения и (или) отношения к религии.

Цель анализа - установить: (1) содержится ли в соответствующих фрагментах негативная оценка либо элементы уничижения; (2) направлена ли она на конкретное лицо или на группу лиц, выделяемую по вышеуказанным признакам; (3) имеет ли такая негативная оценка характер обобщения; (4) присутствуют ли в высказывании обоснования, которые говорящий использует для оправдания или объяснения негативной характеристики.

В рамках настоящего подпункта применяются методы семантического, прагматического, контекстного и дискурсивного анализа, а также метод анализа адресата высказывания и лексикографический разбор используемых выражений, позволяющие достоверно установить содержание и направленность негативной оценки.

При интерпретации материала дополнительно учитывается медиатекстовая природа объекта исследования: звучащая устная речь (включая авторскую речь и вставные фрагменты чужой речи) воспринимается адресатом совместно с условиями публикации и сопутствующими элементами, прежде всего с наименованием видеоролика. Заголовок «Апти Алаудинов VS. поп-исламофоб. Почему чеченцы, а не мы?» фиксирует конфликтно-полемическую рамку восприятия и обозначает ключевых участников обсуждаемой ситуации; при этом выводы о наличии/отсутствии негативной оценки и (или) унижения достоинства делаются по конкретным речевым фрагментам (звукящая речь и транскрипция) с привязкой к таймкодам.

По данным осмотра видеоматериала и сопоставимой с ним транскрипции, ролик представляет собой цельный, завершённый речевой продукт продолжительностью 10 минут 59 секунд. Речевой ряд организован как последовательный монолог автора (М. Гнеева), внутри которого используются: (а) вставные видеофрагменты с чужой речью; (б) цитирование и/или пересказ отдельных высказываний третьих лиц; (в) авторские комментарии, оценки и выводы, связывающие эпизоды между собой.

Композиционно значимо, что ролик начинается с авторского вступления и речевого контакта с аудиторией (приветствие/обращение автора). Далее в ходе монолога последовательно вводятся и сопоставляются чужие высказывания и реакция на них, после чего автор возвращается к собственной оценке происходящего и

формулирует обобщающие выводы, релевантные поставленным вопросам исследования.

В пределах анализа по вопросу № 1 в материале представлены и подлежат разграничению следующие речевые планы и смысловые блоки:

- авторская речь М. Гнеева: вводные реплики, постановка темы, оценочные комментарии;
- вставка с речью А. Ткачука (самоидентификация как координатора «русской общины») и последующее упоминание о приписываемом ему уничижительном обозначении мусульман «басурманская нечисть», что требует проверки адресата, степени обобщения и оценочной направленности;
- цитирование/пересказ публичного высказывания священнослужителя о молящихся мусульманах Москвы (Курбан-байрам) и авторская реакция Гнеева на него, включая оценку обобщающих обвинений и религиозной квалификации ислама как «неправильной веры»;
- фрагмент с прямой речью Апти Алаудина и последующая авторская связка/комментарий, что требует разграничения персональной дискредитации конкретного лица и негативной оценки группы лиц по признаку религии.
- итоговые авторские пояснения и оценочные комментарии, а также обращение к зрителям, а также итоговые формулировки, в которых автор выражает отношение к процитированным или пересказанным ранее высказываниям.

Указанное общее описание необходимо для корректного разделения: (1) авторской речи и цитируемой/вставной чужой речи; (2) оценок, направленных на конкретное лицо, и обобщающих оценок, направленных на религиозную группу (мусульман) как на объект групповой идентификации. Далее анализ выполняется по эпизодам с фиксацией адресата, способа групповой идентификации, семантики оценочной лексики и прагматической функции высказывания, а также с учётом того, сопровождает ли говорящий негативную характеристику какими-либо обоснованиями или объяснениями.

При анализе указанных блоков учитываются: (1) лексические маркеры групповой идентификации (прямые номинации религиозной группы, связанные термины и культурно-обрядовые указатели); (2)

обобщающие конструкции без ограничителей («все», отсутствие «некоторые/отдельные»); (3) оценочная лексика и экспрессивные номинации; (4) объяснительные/аргументирующие элементы, с помощью которых говорящий пытается обосновать негативную оценку либо придать ей вид «логичного вывода».

Отдельно фиксируется влияние паратекстуальных элементов медиатекста (наименование ролика, описание на странице публикации, указание на канал/автора) как факторов первичного ориентирования адресата в теме и конфликтной рамке обсуждения. При этом выводы по вопросу № 1 формулируются на основе речевого ряда (звучщей речи и её текстового отражения в транскрипции) и контекста предъявления цитируемых фрагментов.

В одном из фрагментов видеоролика используется текстовая вставка (титр) «А какие шортики», сопровождающая демонстрацию публичного выступления лица в повседневной одежде. Указанная текстовая вставка носит иронический характер и относится к визуальному впечатлению от внешнего вида выступающего в конкретной ситуации. Лексически и семантически данная формула не содержит негативной оценки личности по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к социальной группе, не включает обсценной лексики и не выражает приписывание лицу порочащих либо унизительных качеств. В рамках лингвистического анализа данная текстовая вставка квалифицируется как элемент публицистической стилистики и не может рассматриваться как оскорбление либо унижение достоинства человека или группы лиц.

Дополнительно учитывается визуально-паратекстуальное оформление медиатекста: в начальном фрагменте видеоряда демонстрируется логотип неформального объединения «Русская община», что выполняет функцию указателя на конкретный объект обсуждения и критики в рамках ролика. Данный элемент задаёт рамку интерпретации последующих реплик и снижает риск расширительного толкования адресата как “русские” в этническом смысле. Соответственно, оценочные высказывания автора в анализируемом контексте соотносятся прежде всего с деятельностью и публичными заявлениями обозначенного объединения и отдельных лиц, выступающих от его имени, а не с национальной группой русских в целом.

5.1.1. Вставной фрагмент с речью А. Ткачука и высказывание «басурманская нечисть»

В анализируемом видеоролике в интервале [00:00:10]–[00:00:24] используется вставной медиатекстовый блок, включающий последовательную демонстрацию пяти фотографических изображений. Первый визуальный элемент представляет собой логотип неформального объединения «Русская община», после чего в видеоряде последовательно демонстрируются фотопортреты А. Ткачука, а также изображения двух неидентифицированных лиц, используемые в рамках публицистического монтажа.

Указанный визуальный ряд сопровождается закадровой устной речью, принадлежащей А. Ткачуку, что позволяет однозначно отнести звучащие реплики к данному лицу как к самостоятельному субъекту высказывания. Авторская закадровая речь Гнеева в данном фрагменте отсутствует; роль автора видеоролика ограничивается подбором и монтажом визуальных материалов, сопровождающих чужую речь.

Последовательность демонстрируемых изображений носит оценочно-иронический характер. В частности, после фотопортретов А. Ткачука в видеоряде используются изображения неидентифицированных лиц, представленных в социально сниженных и бытово маргинализированных визуальных контекстах (в том числе изображение лица в кепке с подчёркнутым неформальным внешним видом и изображение лица, находящегося в лежачем положении на улице). Указанные изображения не сопровождаются утверждениями о фактах и не идентифицируются как конкретные лица, а выполняют функцию визуального обобщения и публицистической иронии.

Дополнительно в данном фрагменте применяется аудиальный приём в виде звукового эффекта удара пустой стеклянной бутылки либо стеклянной посуды, а также замедление темпа закадровой речи Ткачука. В совокупности данные аудиальные средства формируют ироническую рамку восприятия и могут интерпретироваться адресатом как намёк на возможное состояние алкогольного опьянения источника речи в момент произнесения соответствующих высказываний. При этом указанный эффект не оформлен в виде прямого утверждения о факте опьянения и реализуется исключительно в форме инсинации, направленной на конкретное

лицо, а не на какую-либо социальную, национальную или религиозную группу.

В дальнейшем в видеоролике воспроизводится ранее произнесённое А. Ткачуком высказывание с уничижительной номинацией мусульман - «басурманская нечисть» (тайм-коды [00:03:01]–[00:03:31]). В анализируемом эпизоде имеет место воспроизведение чужой речи, вынесенной в критический и иронический контекст, а не её первичное произнесение в рамках текущего видеоматериала.

С точки зрения лингвистического анализа, описанные визуально-аудиальные приёмы направлены на дискредитацию источника высказывания и формирование у адресата критического отношения к его словам. Объектом иронической и оценочной презентации в данном фрагменте выступает А. Ткачук как автор воспроизводимой номинации, тогда как религиозная группа не является объектом визуальной либо поведенческой характеристики.

При анализе содержания самой номинации «басурманская нечисть» устанавливается, что адресатом данного обозначения являются мусульмане как группа лиц, выделяемая по признаку отношения к религии. В воспроизводимом высказывании отсутствуют языковые маркеры ограничения объёма адресата (такие как «некоторые», «отдельные представители», «конкретные лица»), что указывает на обобщённый характер негативной оценки в исходной речи Ткачука. Указанный вывод относится исключительно к анализу чужой речи, воспроизводимой в видеоролике, и не распространяется на позицию автора видеоматериала Гнеева.

Данный эпизод выполняет функцию источниковой идентификации вставной речи и позволяет однозначно установить, что дальнейшие цитируемые высказывания, приписываемые Ткачуку (авторское обозначение «Стукачук»), принадлежат именно этому лицу. С точки зрения дискурсивного анализа этот фрагмент задает роль участника обсуждаемых событий и фиксирует его как самостоятельного субъекта высказывания.

В дальнейшем в транскрипции видеоролика фиксируется прямое упоминание ранее произнесенного им уничижительного обозначения мусульман: «когда Стукачук назвал мусульман “басурманской нечистью”» ([00:03:01] - [00:03:31]).

В рамках метода выявления адресата объект номинации определен однозначно - это мусульмане, то есть группа лиц, выделяемая по признаку отношения к религии. Каких-либо языковых ограничителей типа *«некоторые мусульмане»*, *«отдельные представители»* или *«указаний на конкретные индивидуализированные фигуры в данном фрагменте не содержится, что указывает на обобщенный характер негативной оценки.*

Лексикографический, этимологический и семантический анализ выражения «басурманская нечисть»

С точки зрения лексикографического и этимологического анализа слово *«басурман»* / *«бусурман»* в русском языке является исторически устаревшим обозначением иноверца и в культурно-языковой традиции преимущественно соотносилось с мусульманином.

В словарях и историко-языковых источниках оно описывается как название лица нерусской, преимущественно мусульманской веры, и фиксируется как стилистически сниженное, часто окрашенное пренебрежительной или насмешливой коннотацией.

Этимологически данный компонент восходит к формам, родственным названию *«мусульманин»*, что объясняет его звучание и смысловую близость к обозначению мусульман и поддерживает интерпретацию высказывания как адресованного именно исламской религиозной группе.

Слово *«нечисть»* в переносном употреблении функционирует как уничижительная коллективная номинация людей, обозначающая их как *«низких»*, *«плохих»*, *«подлых»* и тому подобное.

В словарных статьях оно описывается как обозначение злых, враждебных сил либо презрительное именование определенного круга людей. Таким образом, данный компонент утяжеляет оценочный смысл конструкции, переводя ее из нейтральной области в сферу грубого обесценивания объекта.

Семантически сочетание *«басурманская нечисть»* формирует обобщающую негативную характеристику религиозной группы: прилагательное *«басурманская»* задает религиозный критерий групповой идентификации (инаковерие, традиционно соотносимое с мусульманством), а существительное *«нечисть»* реализует уничижительную оценку и социальное отвержение.

Отсутствие в высказывании каких-либо уточняющих элементов («некоторые», «отдельные», «радикальные» и т.п.) позволяет квалифицировать данное выражение как обозначающее не узкую часть, а мусульман как группу в целом, что существенно повышает его конфликтогенный потенциал.

На уровне прагматики и анализа речевого акта указанное выражение выступает не как описание нейтрального факта, а как ярлык, направленный на стигматизацию и снижение достоинства религиозной группы.

В коммуникативном плане использование подобной номинации формирует у адресата представление о мусульманах как о чуждой и «нечистой» группе, что закрепляет отрицательную оценку на уровне общего обозначения, а не конкретного поступка или ситуации.

Контекстуальная фиксация попытки подмены адресата

В тексте видеозаписи приводится и критически оценивается попытка сузить смысл конфликтных высказываний до миграционной темы. В транскрипции это отражено словами: «*Этот поп имел в виду радикальных, плохих, злых мигрантов, а вовсе не всех мусульман. Хотя в его проповеди единого слова про мигрантов, зато слова про мусульман в наличии*»([00:03:01] - [00:03:31]).

Данный фрагмент относится к обсуждению высказываний священнослужителя, однако он важен и для оценки высказывания Ткачука, поскольку показывает общую тенденцию к последующему оправданию явно религиозно ориентированных негативных формулировок через ссылку на тему «мигрантов».

С точки зрения метода выявления адресата указанный фрагмент подчеркивает, что адресатом исходных высказываний являются именно мусульмане как религиозная группа, а попытка впоследствии интерпретировать их как относящиеся к «радикальным мигрантам» рассматривается автором ролика как несоответствующая фактическому содержанию проповеди.

Это дополнительно подтверждает религиозную направленность употребленного ранее выражения «басурманская нечисть».

Таким образом, выражение «басурманской нечистью», отнесенное к мусульманам, содержит признаки грубо негативной оценки и унижения достоинства религиозной группы, выделяемой по признаку отношения к вере.

В совокупности лексикографический, этимологический, семантический и прагматический анализ позволяют квалифицировать данное высказывание как обобщающую стигматизирующую характеристику, имеющую выраженный конфликтный характер.

Логический переход к следующему эпизоду обусловлен тем, что далее в материале раскрывается другой источник негативной модели описания мусульман - публичное высказывание священнослужителя о массовой молитве, которое также анализируется с точки зрения наличия признаков негативной оценки и унижения достоинства по религиозному признаку.

5.1.2. Цитируемое высказывание священнослужителя о молящихся мусульманах в Москве

В транскрипции видеоролика воспроизводится цитата из публичного высказывания схиигумена Гавриила (Виноградова) о молящихся мусульманах Москвы в период Курбан-байрама ([00:00:23] - [00:01:15]). Группа названа прямо: «*всех мусульман в Москве, празднующих Курбан Байрам*». Адресность высказывания определена однозначно: объектом является религиозная группа, объединенная по признаку вероисповедания. Указанный священнослужитель идентифицируется по содержанию цитаты и последующей реакции участников обсуждения, что позволяет отнести рассматриваемый фрагмент к публичной проповеди, получившей общественный резонанс.

Групповая идентификация и религиозные маркеры

Дополнительная групповая идентификация формируется через пространственно-событийные указания: «*от метро Проспект Мира*», «*не видно конца. Людьми покрыто все пространство*». Эти элементы усиливают привязку высказывания к массовому религиозному обряду у Московской соборной мечети и, тем самым, к конкретной религиозной группе.

Ключевым религиозным маркером является употребление слова «мулла» в конструкции «*И если им прикажет мулла...*». Семантически это вводит модель религиозного лидерства и подчинения, в рамках которой поведение группы представляется как полностью управляемое религиозным авторитетом. Тем самым

формируется образ общины с подчеркнутой внутренней иерархией и готовностью к коллективным действиям по религиозному мотиву.

Семантика угрозы и милитаризация образа группы

Священнослужитель использует милитаризующую метафору «*Это армия целая*», что преобразует религиозное мероприятие в образ потенциальной силовой угрозы. Представление молящихся как «армии» наделяет группу признаками организованного силового формирования: дисциплинированностью, единством управления и потенциальной готовностью к насильственным действиям.

Далее группе приписывается готовность к массовому насилию: «*И если им прикажет мулла в один прекрасный день вырезать москвичей... они это быстро сделают*». Такая конструкция формирует представление о высокой степени управляемости группы и об отсутствии волевой самостоятельности у ее участников. Прагматически создается модель религиозной общины как потенциально враждебной и склонной к совершению тяжкого преступления по первому распоряжению религиозного лидера.

Объект возможного насилия обозначен как «*москвичи*», что формирует оппозицию «*они - москвичи*» и усиливает эффект социального дистанцирования. Группа мусульман изображается как внешняя категория, противопоставленная жителям города. Это повышает конфликтогенный потенциал высказывания и расширяет предполагаемый круг потенциальных жертв до неопределенного числа мирных граждан.

Религиозно-негативная оценка и маркер дискrimинации

Существенным элементом данного высказывания является религиозно-оценочная формула: «*Это вера, пусть даже неправильная, но это вера*». В семантическом отношении эта конструкция содержит маркер негативной квалификации религии, поскольку определяет ислам как «*неправильную*» веру. Прагматически такая оценка усиливает общий дискриминационный смысл: религиозная группа одновременно представляется как опасная и как исповедующая ошибочную, неполноценную или ущербную веру.

Нормативно-культурный контекст религиозной оценки

В социально-нормативном контексте публичное определение религии как «*неправильной*» находится в зоне повышенного конфликтного риска, поскольку такая характеристика относится не к поведению отдельных лиц, а к религии как таковой и, тем самым, затрагивает религиозное достоинство верующих. В российском культурном контексте ислам относится к числу традиционных религий, поэтому подобная негативная квалификация может восприниматься как религиозное противопоставление, особенно в сочетании с приписыванием мусульманам готовности к массовому насилию.

Катастрофизация и усиление эффекта угрозы

Конфликтный эффект усиливается последующими утверждениями: «*МВД не успеет даже пикнуть и справиться*» и «*результат будет очень печальный*». Здесь реализуется стратегия катастрофизации, при которой аудитории предлагается модель неизбежной угрозы с подчеркиванием бессилия государственных структур. В результате выстраивается схема: массовая религиозная группа - религиозный лидер - приказ - массовое убийство - неспособность правоохранительных органов предотвратить ситуацию - трагический исход. Такая структура усиливает восприятие мусульман как потенциально опасной группы по религиозному признаку и не содержит фактических данных, которые могли бы обосновать приписываемые группе преступные намерения.

Оценка данной позиции в авторской речи Гнеева

После воспроизведения слов священнослужителя автор ролика выражает отрицательную оценку данных утверждений: «*Ну, откровенно дурацкое вообще заявление. Осуждаем сказанное им. Фактически он назвал преступниками всех мусульман Москвы...*» ([00:01:15] - [00:01:43]). Разграничение цитируемой и авторской речи позволяет установить, что обобщающе негативная характеристика мусульман содержится именно в высказывании священнослужителя. Автор ролика дистанцируется от подобной позиции и критически оценивает религиозно-обобщающий характер обвинений, указывая на отсутствие фактического основания для приписывания мусульманам готовности к массовому насилию.

С учетом формулировки вопроса № 1 данный цитируемый фрагмент содержит признаки обобщающей негативной оценки

религиозной группы, выделяемой по признаку отношения к религии, и элементы уничижительной стигматизации через моделирование образа коллективной угрозы. При этом «обоснование» негативной оценки выражено в виде гипотетического сценария («если им прикажет...»), то есть в форме предположения, а не ссылки на конкретные факты поведения группы.

Дополнительно следует отметить, что негативная характеристика религиозной группы в анализируемом высказывании формируется не на основе описания реальных фактов или зафиксированных действий, а посредством гипотетического сценария («если им прикажет...»), используемого как аргумент для моделирования потенциальной угрозы. Такой приём лингвистически относится к сфере предположений и прогностических конструкций и не содержит фактического обоснования приписываемых группе намерений. В экспертном отношении это усиливает стигматизирующий эффект высказывания, поскольку религиозная группа представляется как потенциально опасная не в силу конкретного поведения, а исходя из приписываемой ей предполагаемой управляемости и склонности к насилию.

Логический переход к следующему блоку обусловлен тем, что далее приводится реакция Апти Алаудинова как ответ на рассмотренное выше высказывание священнослужителя.

5.1.3. Реакция Апти Алаудинова - персональная дискредитация как ответ на дискриминационное обобщение

В транскрипции представлен фрагмент, в котором слова священнослужителя комментируются Апти Алаудиновым ([00:01:44] - [00:02:42]). В данном фрагменте зафиксированы резко отрицательные, сниженно-оценочные номинации, адресованные конкретному лицу - автору цитируемой проповеди: *«Какой-то дебил, который натянул на себя рясу. Реально, кроме как дебил я его не назову»*.

Семантически лексема «дебил» относится к разговорно-оскорбительной лексике и функционирует как средство дискредитации адресата. На уровне анализа речевых актов данная реплика квалифицируется как акт персонального оскорблении и выражения крайнего неодобрения в адрес конкретного человека. При этом по критерию адресата данная оценка не относится к мусульманам как религиозной группе и не содержит обобщений в

отношении какой-либо группы лиц, выделяемой по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе; адресат локализован как конкретный церковный деятель.

Контекстуально реакция Алаудинова связана с осуждением публичных попыток обесценить ислам и придать мусульманам черты потенциальной преступности. Это отражено в репликах: *«Рассказывает... миллиардам мусульман, что у нас вера неправильная», «а ты кто такой, чтобы такие вещи говорить?»*. Прагматически эти конструкции выполняют функцию контраргумента и показывают, что объект критики - содержание проповеди и ее религиозно-обобщающая адресность, а не христианство, православные или иные верующие как конфессиональная общность.

Далее негативная номинация переносится на других публичных лиц, допускающих сходные высказывания: *«Еще один дебил тоже делает такие провокационные вбросы», «чтобы вот такие вот дебили не говорили таких вещей»*. В рамках метода выявления адресата данные реплики сохраняют персонально-ситуативную направленность: они относятся к кругу спикеров, определяемых по коммуникативному поведению (производству провокационных, дискриминационных формул), а не по этническим, конфессиональным или социальным признакам.

Таким образом, рассматриваемый фрагмент содержит грубую персонально-оценочную лексику и признаки речевого акта оскорбления, однако лингвистические признаки негативной оценки и (или) унижения достоинства группы лиц по признаку пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к социальной группе в данном фрагменте не выявлены. Негативная оценка направлена на конкретных лиц и их высказывания, воспринимаемые говорящим как дискриминационные в отношении мусульман.

Дополнительно следует отметить, что в анализируемом фрагменте негативная оценка со стороны Алаудинова мотивирована не принадлежностью адресатов к определённой религии, конфессии или социальной группе, а их коммуникативным поведением, а именно публичным воспроизведением, поддержкой либо повторением дискриминационных и обобщающе негативных высказываний в отношении мусульман. В лингвистическом отношении подобная

персональная дискредитация основывается на оценке речевых действий и публичной позиции конкретных лиц и не содержит признаков переноса негативной характеристики на группу лиц, объединённую по признаку вероисповедания или иной охраняемой характеристике.

5.1.4. Роль автора канала Гнеева в композиции и смысловом связывании эпизодов

В рассматриваемом фрагменте автор канала Гнеев выступает как структурирующее и интерпретирующее звено, связывающее несколько разнородных по происхождению, но тематически связанных источников конфликтной риторики. Композиционно он выстраивает повествование так, чтобы показать последовательность событий и взаимную обусловленность реплик разных участников ситуации.

Во-первых, автор задает общественный и событийный контекст, обозначая информационный повод и рамку обсуждения. Во-вторых, он воспроизводит вставные фрагменты речи иных лиц, фиксируя их источниковую принадлежность и отделяя цитируемые реплики от собственной позиции. В-третьих, он включает и комментирует высказывание священнослужителя, в котором мусульманам приписываются обобщающие негативные характеристики. В-четвертых, он показывает реакцию Апти Алаудинова как ответ на указанную проповедь, сохраняя хронологическую последовательность и причинно-следственные связи. Наконец, автор развивает собственную критическую линию, направленную на оценку поведения социальных и идеологических оппонентов.

На уровне дискурсивного анализа прослеживается, что авторская позиция направлена не на воспроизведение конфликтной риторики как нормы, а на ее демонстрацию в целях критики и осуждения. Это прямо выражено в его оценке: «*Фактически он назвал преступниками всех мусульман Москвы*» ([00:01:15] - [00:01:43]). Тем самым автор разграничивает цитируемую чужую речь и собственную интерпретацию, дистанцируясь от негативных обобщений и указывая на их конфликтогенный потенциал.

Кроме того, автор критически освещает попытки сузить религиозную адресность спорных высказываний до миграционной темы. Он указывает на несоответствие такой подмены фактическому содержанию цитируемых реплик и тем самым уточняет адресата конфликтных формул. В терминах лингвистической экспертизы это снижает риск ошибочной атрибуции: негативные характеристики фиксируются как принадлежащие конкретным цитируемым лицам, тогда как авторская речь выполняет преимущественно оценочно-аналитическую функцию.

Таким образом, автор канала выполняет роль аналитического медиатора: он связывает эпизоды, артикулирует причинно-следственные связи между высказываниями разных участников, выделяет релевантные элементы адресации и формирует целостную картину конфликтного дискурса, не присваивая себе авторство содержащихся в нем негативных оценок.

Дополнительно следует отметить, что в рамках анализируемой композиции автор видеоролика не формирует самостоятельных обобщающе негативных характеристик в отношении религиозных групп и не развивает конфликтную риторику от своего имени. Его речевые действия ограничиваются воспроизведением и аналитическим осмыслением публичных высказываний иных лиц, а также выражением оценочного отношения к их содержанию. В лингвистическом отношении такая форма подачи материала соответствует допустимому формату критического комментария и не содержит признаков присвоения или поддержки дискриминационных оценок, выраженных в цитируемой чужой речи.

5.1.5. Анализ собственных высказываний автора канала - Мансура Гнеева

Собственные высказывания автора канала Гнеева анализируются с учетом их места в структуре видеоролика, хронологического развертывания смыслов, а также реализуемых им речевых стратегий и коммуникативных установок. В анализ включаются как фрагменты прямого обращения автора к аудитории, так и его комментарии к вставным эпизодам и цитируемым репликам третьих лиц.

Применяются методы семантического и прагматического анализа, анализа речевых актов, контекстуального и дискурсивного анализа, анализа адресата и групповой идентификации, а также

лексикографический и лексико-семантический анализ используемой автором лексики. Отдельно учитывается разграничение оценочной экспрессии (резкая, сниженная, полемическая лексика) и унижения достоинства группы лиц по признакам, указанным в вопросе № 1.

В лингвистическом отношении использование автором резкой, сниженной либо полемической лексики не является само по себе признаком унижения достоинства группы лиц. Квалифицирующее значение имеет не степень экспрессивности высказывания, а его адресат и способ групповой идентификации. В частности, негативная оценка, направленная на конкретных лиц, идеологические позиции либо формы публичного поведения, не может рассматриваться как унижение группы лиц по защищаемым признакам при отсутствии обобщающих формул и при четкой локализации адресата критики.

Важным фоном является то, что автор по своим публичным высказываниям позиционирует себя как русский мусульманин. Это объясняет сочетание этнокультурной и религиозной самоидентификации и задает специфический ракурс употребления им слов и маркеров групповой принадлежности, включая обозначения "русские", "мы", "чеченцы", "татары" и иные этнонимы.

Дополнительно следует отметить, что в анализируемых собственных высказываниях автора негативная оценка не направлена на этническую группу «русские» как таковую и не адресована православным верующим как религиозной общности. Критика со стороны Гнеева соотносится с конкретными публичными высказываниями, идеологическими установками и формами поведения отдельных лиц и объединений, которые, по мнению автора, допускают дискриминационные или конфликтогенные обобщения в отношении мусульман. Таким образом, объектом негативной оценки выступают не этническая или религиозная принадлежность, а социально-идеологическая позиция и коммуникативное поведение критикуемых субъектов, что в лингвистическом отношении исключает квалификацию данных высказываний как унижение достоинства группы лиц по признакам национальности или отношения к религии.

При квалификации собственных высказываний автора учитываются следующие критерии: (1) относится ли негативная оценка к конкретному лицу (индивиду) или к группе лиц; (2) определяется ли группа по защищаемым признакам (пол, раса,

национальность, язык, происхождение, отношение к религии, принадлежность к социальной группе) либо по поведенческому, идеологическому, организационному признаку; (3) имеются ли обобщающие формулы и отсутствие ограничителей типа "некоторые", "отдельные"; (4) присутствуют ли речевые маркеры дистанцирования от чужих высказываний и критической оценки цитат.

В экспертном отношении следует учитывать, что критика социальных, идеологических либо мировоззренческих позиций, даже если она адресована представителям этнического или религиозного большинства, не образует унижения достоинства группы лиц при отсутствии обобщающих характеристик, приписываемых группе по признаку происхождения или вероисповедания. Лингвистически значимым является не принадлежность критикуемых лиц к большинству, а способ их номинации и характер приписываемых им свойств. В анализируемых высказываниях автора такие признаки отсутствуют.

5.1.5. Итоговый вывод по собственным высказываниям автора (в рамках вопроса № 1)

В рамках вопроса № 1 настоящего заключения: «*Имеются ли в видеозаписи «Анти Алаудинов VS. поп-исламофоб. Почему чеченцы, а не мы?» высказывания, содержащие негативную оценку и (или) унижение достоинства человека либо группы лиц, выделяемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе? Если да, выражено ли в видеозаписи обоснование такой оценки?*»

Суммарный лингвистический анализ собственных высказываний автора канала Гнеева, выполненный с учетом хронологического развертывания текста транскрипции, семантики ключевой лексики, pragматического контекста, адресата высказываний и выраженной модальности, позволяет сделать следующие выводы, релевантные поставленному вопросу.

Во-первых, отрицательно окрашенные номинации автора: *«русская общага»*, *«общажники»*, *«фашистское.кодло»*, *«хабалки»*, *«бородаты й скунф»*, *«дегенерат»*, *«уроды в масках»*, *«фашистско-сионистские инфопомойки»* и другие - системно соотнесены с конкретными лицами, объединениями и медиийными площадками, которые в материале описываются как инициаторы или проводники

оскорбительных, провокационных и разжигающих враждебность высказываний в адрес мусульман и религии ислам. Критерием объединения адресатов выступают их поведение и идеологическая позиция (поддержка формул типа «басурманская нечисть», «неправильная вера», участие в кампании оправдания подобных высказываний, антимусульманская медийная активность), а не пол, раса, национальность, язык, происхождение, отношение к религии либо принадлежность к какой-либо социальной группе. Таким образом, указанные номинации функционально работают как оценка идейно-политических оппонентов и их действий, а не как унижение достоинства группы лиц, выделяемой по защищаемым признакам.

Во-вторых, в собственной речи автора не выявлено устойчивых обобщающих формул, направленных на унижение достоинства людей по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к социальной группе. Негативная оценка в собственных высказываниях Гнеева преимущественно адресуется источникам и носителям конкретной конфликтной риторики и сопровождается смысловыми маркерами критики чужих формул. Напротив, объектом его осуждения выступают именно высказывания третьих лиц (включая обозначение мусульман как «басурманской нечиستи» и квалификацию ислама как «неправильной веры»), которые он рассматривает как недопустимые и несправедливые. В композиции ролика его позиция выстроена как защитная по отношению к мусульманам и исламу, то есть как реакция на дискриминирующее обобщение, а не как формирование зеркального унижения иной конфессиональной, национальной или социальной группы.

В-третьих, употребление местоимения «мы» и последовательное перечисление «*русские мусульмане, татары, башкиры, другие кавказцы*» формируют инклюзивный образ единой религиозной общины, объединяющей мусульман разных национальностей и регионов России. В этом контексте «мы» не противопоставляется какой-либо конкретной нации, расе, языку или конфессии, а, напротив, фиксирует общность по религиозному признаку и задает модель солидарности внутри нее. В структуре собственных высказываний автора не фиксируется речевых действий, которые бы формировали враждебность между национальными группами,

противопоставляли "русских" "чеченцам" либо задавали конфликт по этническому основанию.

В-четвертых, в отношении чеченских общественных и политических деятелей (Апти Алаудинова, Адама Делимханова) автор высказывает с подчеркнутым уважением и благодарностью, представляя их как лиц, которые открыто и последовательно встают на защиту мусульман в ситуации публичных оскорблений и обобщающих обвинений. Он обращается к мусульманам других национальностей с призывом не противопоставлять себя чеченцам, а поддерживать их позицию. Смыловой эффект этих фрагментов заключается в укреплении межэтнической и межрегиональной солидарности внутри религиозной общины, что лингвистически не соотносится с задачей унижения достоинства какой-либо группы по национальному или иному защищаемому признаку.

В-пятых, в финальных фрагментах видеозаписи, где используются выражения с деонтической модальностью («надо действовать», «их надо остановить»), автор одновременно конкретизирует допустимые формы активности как словесные и правомерные. Он призывает «высказаться», «осудить *словесно*», перестать «молчать» и быть «безмолвной массой», то есть указывает на необходимость верbalной и публичной реакции. Принципиальное значение имеет прямая оговорка автора: «Я не зову никого ни на какие противоправные действия. Мы говорим о методах, которые укладываются в правовом поле нашей страны». В совокупности с призывом к «здоровой активности» это задает ограничительную рамку интерпретации: под необходимыми действиями понимаются законные формы публичной, в том числе речевой, защиты своих прав и религии, а не агрессивные действия против людей или групп по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к социальной группе.

С учетом изложенного, применительно к вопросу № 1 в части собственных высказываний автора канала, следует констатировать следующее: в речи Гнеева не установлено лингвистических признаков негативной оценки и (или) унижения достоинства человека либо группы лиц, выделяемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе. При этом критика автора не содержит признаков враждебного противопоставления этнического

большинства и религиозного меньшинства, а также не формирует образ «русских» и/или «православных», «христианских» как группы, наделяемой негативными свойствами.

Экспрессивная и конфликтная лексика автора адресована конкретным идеологическим оппонентам и участникам действий, которые в материале представлены как инициаторы или распространители оскорбительной риторики в отношении мусульман, при одновременном подчеркивании необходимости действовать в рамках правового поля и преимущественно вербальными, публичными способами.

5.1.6. Промежуточный вывод по вопросу № 1

На разрешение специалиста поставлен следующий вопрос № 1: «*Имеются ли в видеозаписи «Анти Алаудинов VS. non-исламофоб. Почему чеченцы, а не мы?» высказывания, содержащие негативную оценку и (или) унижение достоинства человека либо группы лиц, выделяемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе? Если да, выражено ли в видеозаписи обоснование такой оценки?».*

Проведенный анализ видеозаписи и ее транскрипции показывает, что в материале действительно присутствуют высказывания, содержащие негативную оценку и (или) элементы унижения достоинства группы лиц, выделяемой по признаку отношения к религии, то есть мусульман. Существенно, что конфликтные формулировки исходят не от автора ролика Мансура Гнеева, а от иных лиц; в исследуемой видеозаписи эти формулы представлены в виде вставных фрагментов и цитирования и сопровождаются последующей авторской оценкой и комментированием.

К числу таких фрагментов относится упоминание ранее произнесенного Андреем Ткачуком обозначения мусульман как «басурманской нечисти» ([00:03:01]-[00:03:31]). В транскрипции прямо фиксируется, что Ткачук «назвал мусульман "басурманской нечистью"». По лексическому значению и употреблению компонент «басурман» исторически соотнесен с обозначением иноверца, преимущественно мусульманина, и в современном языке

сохраняет уничижительный оттенок. Номинация «нечисть» функционирует как коллективное презрительное именование людей. В совокупности выражение «басурманская нечисть» представляет собой обобщающую стигматизирующую характеристику религиозной группы по признаку вероисповедания, без ограничителей типа «некоторые» или «отдельные». Сам Гнеев данную формулу не конструирует и не воспроизводит как свою позицию; она приводится как пример уже прозвучавшего оскорбительного высказывания и рассматривается в составе конфликтного контекста.

Кроме того, в анализируемом материале цитируются слова священнослужителя - схиигумена Гавриила (Виноградова), произнесенные в проповеди о мусульманах Москвы в дни Курбан-байрама ([00:00:24]-[00:01:43]). Именно в его речи формируется развернутая модель, представляющая мусульман как организованную и потенциально опасную группу: «Это армия целая», «если им прикажет мулла... вырезать москвичей... они это быстро сделают», «МВД не успеет даже пикнуть», «результат будет очень печальный». В лингвистическом плане здесь сочетаются: милитаризация образа группы (перенос религиозного собрания в рамку военной силы), приписывание коллективной управляемости и готовности к насилию, а также стратегия катастрофизации, усиливающая впечатление неизбежной угрозы. Религиозные маркеры («мусульмане», «Курбан Байрам», «мулла») и привязка к месту массовой молитвы дополнительно закрепляют адресность высказывания именно по религиозному признаку.

С точки зрения второй части вопроса № 1 (наличие обоснования негативной оценки) важно, что аргументация священнослужителя строится не на описании конкретных фактов противоправного поведения верующих, а на гипотетическом сценарии: «если им прикажет мулла... вырезать москвичей». Такая конструкция моделирует возможное будущее насилие, но не содержит указаний на реальную причинно-следственную связь с событиями и не опирается на проверяемые данные. Лингвистически это формирует образ угрозы, основанный на предположениях и страхах говорящего, вследствие чего заявленное «обоснование» не устраняет стигматизирующий и дискриминационный характер высказывания.

Отдельно отмечается, что в ходе исследования не выявлено высказываний, содержащих негативную оценку либо унижение достоинства человека или группы лиц по иным признакам, перечисленным в вопросе № 1, а именно по признакам пола, расы, языка, принадлежности к какой-либо социальной группе, а также по признаку происхождения в отрыве от религиозной идентичности. Объектом стигматизирующих формул в рассмотренных фрагментах выступают мусульмане как религиозная группа, а не лица иной защищаемой категории.

Автор ролика Мансур Гнеев, напротив, прямо выражает несогласие с подобной риторикой, что отражено в его оценке: *«Ну, откровенно дурацкое вообще заявление. Осуждаем сказанное им. Фактически он назвал преступниками всех мусульман Москвы...»*. Разграничение цитируемой и авторской речи показывает, что негативные обобщения содержатся в высказываниях третьих лиц, а позиция автора ролика направлена на критическую оценку этих обобщений и на защиту мусульман от коллективного обвинения и тезиса о *«неправильной вере»*.

С учетом изложенного на поставленный вопрос № 1 можно ответить следующим образом. Да, в видеозаписи имеются высказывания, в которых мусульмане как религиозная группа описываются в обобщенно негативном, уничижительном ключе; эти высказывания принадлежат иным лицам (А. Ткачуку, схиигумену Гавриилу (Виноградову)) и представлены в виде цитируемой речи. Заявляемое ими *«обоснование»* негативной оценки в части проповеди основано на гипотетическом сценарии и субъективной модели угрозы, а не на фактах, и не нейтрализует стигматизирующий характер высказываний. Автор ролика М. Гнеев от подобных оценок дистанцируется, дает им критическую отрицательную оценку и в собственной речи не формирует уничижительных обобщений в отношении лиц или групп по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе.

5.2. Анализ высказываний, содержащих признаки утверждения необходимости агрессивных либо насилиственных действий

На разрешение специалиста поставлен следующий вопрос № 2: «*Имеются ли в видеозаписи «Анти Алаудинов VS. поп-исламофоб. Почему чеченцы, а не мы?» высказывания, выражющие утверждение необходимости совершения агрессивных либо насильственных действий по отношению к человеку или группе лиц, выделяемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе?*».

В рамках указанного вопроса подлежат анализу фрагменты речи, в которых реализуется деонтическая и побудительная модальность, то есть установка на необходимость определенных действий, потенциально способных носить агрессивный либо насильственный характер.

Для целей настоящего исследования под агрессивными либо насильственными действиями понимаются действия, предполагающие причинение физического вреда, ограничение свободы, уничтожение имущества либо иные формы физического принуждения. При анализе учитываются как прямые предписания и призывы (например, «сделать», «надо сделать», «нужно сделать»), так и косвенные речевые конструкции, которые по смыслу задают обязательность или неизбежность применения силы.

Ключевыми лингвистическими параметрами исследования являются:

- наличие формул долженствования и предписания (надо, необходимо, следует и др.);
- тип речевого акта (побуждение, предписание, требование, призыв, установка на действие);
- семантика предполагаемого действия и степень его буквальности или метафоричности;
- адресат высказывания и наличие или отсутствие признаков групповой идентификации по признакам, указанным в вопросе № 2 (пол, раса, национальность, язык, происхождение, отношение к религии, принадлежность к социальной группе);

- контекст, в котором формируется соответствующая модальность, включая оговорки, ограничения и рамки допустимого.

В ходе исследования применяются методы анализа модальности (деонтической и побудительной), контекстуального и дискурсивного анализа, анализа речевых актов, а также метод выявления адресата и признаков групповой идентификации. Указанные методы позволяют:

1) отделять высказывания, содержащие именно утверждение необходимости агрессивных или насилистических действий в отношении лица или группы лиц, выделяемых по указанным признакам;

2) разграничивать такие высказывания с формулами высокой экспрессивности, направленными на абстрактные идеологические категории (например, нацисты, фашизм), а не на группы, выделяемые по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к социальной группе;

3) отличать эмоционально-реактивные формулы полемического характера, в которых отсутствует адресация к группам по указанным признакам и отсутствует смысловая установка на применение силы;

4) учитывать метафорические конструкции, усиливающие конфликтный тон, но не задающие прямого побуждения к физическому насилию и не содержащие предписания совершить насилистические действия. При этом наличие негативной оценки, резкой критики либо эмоционально окрашенной риторики само по себе не свидетельствует об утверждении необходимости применения физического насилия, если в высказывании отсутствует побудительная установка на совершение конкретных агрессивных действий.

Таким образом, анализ в рамках вопроса № 2 ориентирован не на формальное выявление отдельных резких выражений, а на установление их модального статуса, адресной направленности и коммуникативного намерения говорящего. Это необходимо для корректной экспертной оценки наличия либо отсутствия признаков утверждения необходимости агрессивных или насилистических действий в отношении лиц или групп, выделяемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе.

5.2.1. Фрагменты с прямыми маркерами необходимости действий

В представленном материале зафиксировано высказывание с формальными побудительными и деонтическими маркерами необходимости действия: «*И если любой поднимает голову национализма, эту голову надо срубить просто. Её надо срубить, эту голову*» ([00:02:15]-[00:02:38]).

Для корректной интерпретации принципиально важен контекст. Указанная реплика принадлежит Айти Алаудинову и звучит как реакция на предшествующий фрагмент, в котором мусульмане Москвы описываются обобщающе и подозрительно (через метафору «армии» и гипотетический сценарий насилия), а ислам характеризуется как «неправильная вера». Именно этот контекст задаёт адресность эмоциональной реплики: говорящий полемизирует с дискриминационным обобщением, а не формулирует самостоятельный призыв к насилию в отношении людей по признаку религии или национальности.

Модально-семантический анализ. Конструкция «надо» (с повтором) выражает долженствование и усиливает категоричность. Однако грамматический объект предписания выражен не номинацией людей или группы лиц, а метафорическим образом «голова национализма». Внутри высказывания отсутствуют указания на человека или группу людей, выделяемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к социальной группе. Адресат действий обозначен как идеологическое явление, а не как социально-демографическая общность.

Семантика глагола «срубить» и образ «срубить голову» являются экспрессивными и формально отсылают к насилию, однако в данном контексте функционируют как публицистическая метафора жёсткого пресечения/недопущения опасной идеологии. Метафоричность поддерживается тем, что «голова» приписывается абстрактному понятию «национализм», которое в буквальном смысле не может быть объектом физического воздействия.

Анализ адресата и групповой идентификации. Речевой акт не содержит указаний на то, что предполагаемые действия должны быть направлены против лиц, идентифицируемых по национальности,

происхождению или религии. Отсутствуют номинации типа «мусульмане», «православные», «русские», «кавказцы» и т.п. Следовательно, даже при высокой экспрессивности формулировки отсутствует лингвистическая база для отнесения высказывания к утверждению необходимости насилия в отношении защищаемых групп.

Прагматический вывод. Высказывание выражает резкое неприятие националистической риторики и установку на её пресечение. При этом оно не содержит лингвистических признаков утверждения необходимости агрессивных либо насильственных действий в отношении людей или групп лиц, выделяемых по признакам, указанным в вопросе № 2. Имеющаяся деонтическая модальность соотнесена с идеологическим объектом (национализмом) и реализуется в форме образной, эмоционально усиленной полемики.

Дополнительно следует отметить, что данное высказывание не содержит призыва к осуществлению каких-либо конкретных действий, не указывает на субъект исполнения и не формирует сценария реального насилия, что также исключает его квалификацию как утверждение необходимости агрессивных либо насильственных действий.

5.2.2. Фрагменты с метафорикой борьбы и деонтической модальностью

В поздних сегментах ролика используются высказывания, в которых содержится модальность необходимости в отношении противостояния идеологически маркируемой группе. В транскрипции видеозаписи зафиксировано: «*Но действовать надо, напрягать надо вот это фашистское кодло... И их надо не только напрягать точечно, их надо остановить*» ([00:08:59] - [00:09:56]).

Повторяющийся модальный маркер «надо» формирует деонтическую установку на активные действия. Глаголы «действовать», «напрягать», «остановить» задают общий вектор противостояния, однако сами по себе не содержат прямого указания на физическое насилие и не конкретизируют способ реализации, исполнителя и объект воздействия. В совокупности с конфликтным тоном и оценочной лексикой они

усиливают риторику борьбы, но не задают буквального побуждения к силовым действиям.

Семантический анализ показывает, что выражение «фашистское кодло» используется как оценочное обозначение идеологизированной группы оппонентов, а не как наименование этнической или религиозной общности. В пределах этого же смыслового блока адресат дополнительно обозначается словами «нацисты», «фашисты», что функционирует как идеологическая номинация. Отсылок к полу, расе, национальности, языку, происхождению, отношению к религии либо принадлежности к социальной группе как критерию отнесения к данной группе в этих формулах не содержится.

Дополнительную образность задает развёрнутая метафора устраниния опасного явления: «...тогда мы все горько пожалеем, что не выжгли эту раковую опухоль в зародыше» ([00:08:59] - [00:09:56]). Данная формула включена в условно-прогностическую конструкцию: «если нацисты возьмут власть... тогда мы все горько пожалеем...». Таким образом, говорящий описывает нежелательный гипотетический сценарий и ретроспективное сожаление о пассивности, а не инструкцию к действию в настоящем. Лингвистически метафора отнесена к идеологическому явлению (нацизм/фашизм как «раковая опухоль»), а не к буквальному призыву к причинению вреда конкретным людям.

Для квалификации по вопросу № 2 принципиально, что в рассматриваемых высказываниях отсутствуют прямые побудительные формулы, адресованные слушателю и описывающие физическое насилие над людьми. Не обозначены конкретные жертвы, исполнители, средства или способ причинения вреда. При высокой экспрессивности и образности речь остается полемической и метафорической и не формирует утверждения необходимости насильтвенных действий в отношении лиц или групп, выделяемых по признакам, указанным в вопросе № 2.

С учетом контекста всей видеозаписи по вопросу № 2 важно, что ранее автор прямо ограничивает допустимые формы активности рамками правового поля и словесной реакции. В предшествующем фрагменте он указывает: *«Я не зову никого ни на какие противоправные действия. Мы говорим о методах, которые укладываются в правовом поле нашей страны»* ([00:08:26] - [00:08:59]), а также акцентирует необходимость «высказаться», «осудить словесно», перестать «молчать» и быть «безмолвной массой». Эти элементы задают интерпретационную рамку: под «действовать», «остановить» и «выжечь раковую опухоль в зародыше» понимаются допустимые формы противодействия идеологическим оппонентам, включая публичное выражение позиций и использование законных способов защиты, а не физическое насилие в отношении национальных или религиозных групп.

Таким образом, в данном смысловом блоке действительно используется жесткая, конфликтно нагруженная лексика и метафоры борьбы, однако по совокупности признаков соответствующие высказывания не содержат утверждения необходимости агрессивных либо насильтственных действий в отношении людей, объединённых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе. Деонтическая модальность направлена на абстрактно описываемых идеологических оппонентов, а рамочная оговорка о действиях в пределах правового поля задает ограничение на способы допустимого противодействия.

5.2.3. Контекстные ограничители и авторские оговорки

Существенное значение для анализа видеозаписи в рамках вопроса № 2 имеют контекстные ограничители, которые сам автор вводит в собственную речь. Эти элементы выступают метакоммуникативными сигналами: они уточняют, как именно следует понимать эмоционально резкие формулы и какую форму действий говорящий считает допустимой.

Ключевым является прямое высказывание автора: *«Я не зову никого ни на какие противоправные действия. Мы говорим о методах, которые укладываются в правовом поле нашей страны»* ([00:08:26]-[00:08:59]).

С pragматической точки зрения данная реплика представляет собой оговорку-ограничитель. Формула «*не зову*» оформляет отказ от побудительного речевого акта, то есть от прямого призыва к действию; уточнение «*ни на какие противоправные действия*» задает запретительный предел для возможных интерпретаций. Далее говорящий переводит обсуждение в рамку «*методов*» и прямо называет ориентиром то, что он сам обозначает как «*правовое поле*», тем самым отделяя образную полемическую риторику от буквальной инструкции к насилию.

Дополнительные контекстные маркеры того же типа присутствуют в соседних фрагментах, где автор конкретизирует желательные формы реакции. Он говорит о необходимости «*высказаться*», «*осудить* *словесно*», перестать «*молчать*» и быть «*безмолвной массой*», а также призывает к «*здравой активности*». Семантика этих формул указывает преимущественно на вербальные и общественные способы реагирования (публичное выражение позиции, критика, участие в легитимной общественной активности), а не на применение физической силы.

С точки зрения дискурсивного анализа оговорка и перечисленные уточняющие формулы выполняют функцию рамки интерпретации. Они не снимают конфликтность и экспрессивность отдельных выражений, но задают адресату способ их прочтения: как эмоционально-оценочных и полемических, а не как утверждения необходимости совершения агрессивных либо насилиственных действий.

В совокупности указанные контекстные ограничители существенно уменьшают основания для вывода о наличии в речи автора признаков утверждения необходимости насилия в отношении лиц или групп, выделяемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к социальной группе. При этом сами по себе они не исключают необходимость дальнейшего анализа отдельных фрагментов, где используется метафорика борьбы и резкая оценочная

лексика, но задают для такого анализа обязательный контекст понимания.

В экспертной лингвистической практике подобные оговорки-ограничители рассматриваются как значимый фактор интерпретации деонтической и побудительной модальности. Прямое указание говорящего на недопустимость противоправных действий и ориентацию на правовое поле исключает возможность квалификации последующих экспрессивных формул как утверждения необходимости физического насилия. При наличии таких рамочных высказываний конфликтная и образная риторика интерпретируется как оценочно-полемическая, а не как инструкция к совершению агрессивных либо насильтственных действий в отношении лиц или групп, выделяемых по защищаемым признакам.

5.2.4. Анализ призывов автора ролика в контексте вопроса № 2

В завершающих фрагментах видеозаписи автор ролика Гнеев неоднократно обращается к мусульманской аудитории с побудительными формулами, используя деонтическую лексику: «надо», «пора просыпаться», «надо учиться, братья, защищать себя» [00:06:59] - [00:10:39]. Указанные выражения требуют отдельного анализа в контексте вопроса № 2, поскольку содержат модальные маркеры необходимости, но не всегда раскрывают способ предполагаемого действия.

В транскрипции видеоролика зафиксированы, в частности, следующие высказывания автора:

- «Почему мы боимся высказаться, осудить просто, осудить словесно...»;
- «пока мы сидим, сопли жуём... уже надо сразу реагировать, а не сидеть и не охать, и не ахать»;
- «С каких пор мы стали безмолвной массой?»;
- «Разве события этого года не говорят нам, не показывают нам, что пора просыпаться и проявлять здоровую активность?»;
- «Надо учиться, братья, защищать себя. За нас это никто не сделает» [00:06:59] - [00:10:39].

Семантически и прагматически эти формулы направлены на изменение модели поведения самой мусульманской общины: автор критикует пассивность («сидим», «молчим», «безмолвная масса») и призывает к активной позиции. При этом в качестве желательных

средств реагирования прямо названы преимущественно речевые и социально допустимые формы: «высказаться», «осудить словесно», поддержать тех, кто уже публично выступил в защиту мусульман (в том числе генерала Апти Алаудинова). Это задаёт преимущественно вербальный сценарий реагирования.

Ключевым контекстным ограничителем является авторская оговорка: *«Я не зову никого ни на какие противоправные действия. Мы говорим о методах, которые укладываются в правовом поле нашей страны»* [00:08:26] - [00:08:59]. В совокупности с формулами «осудить словесно», «высказаться», «здоровая активность» она задаёт рамку интерпретации всех побудительных выражений автора: речь идёт о необходимости активной, но правомерной и в первую очередь публично-речевой защиты своих прав и религиозной идентичности, а не о применении физической силы.

По критерию адресата призывы направлены к мусульманской аудитории (в том числе к русским мусульманам, татарам, башкирам, кавказцам) и касаются её внутренней мобилизации: «просыпаться», «перестать молчать», «защищать себя». При этом в тексте отсутствуют формулы, которые бы предписывали совершение агрессивных или насильственных действий в отношении иных национальных или религиозных групп: нет адресных инструкций, нет указания на объект физического воздействия и отсутствует номинация целевой группы по признакам, перечисленным в вопросе № 2.

Таким образом, анализ призывов автора ролика Гнеева показывает: несмотря на наличие деонтической лексики («надо», «пора», «надо учиться, братья, защищать себя»), соответствующие высказывания не содержат утверждения необходимости агрессивных либо насильственных действий против лиц или групп, выделяемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе. По своему коммуникативному намерению и ближайшей контекстной конкретизации они направлены на активизацию мусульманской общины к правомерной, преимущественно словесной и публичной защите.

В экспертной лингвистической практике призывы к «самозащите», «пробуждению» и «активности», адресованные собственной социальной или религиозной группе, рассматриваются с учётом их семантической конкретизации и контекстных ограничителей. При отсутствии указаний на физическое воздействие, конкретный объект насилия и способ его осуществления, а также при наличии прямых оговорок о допустимости действий в рамках правового поля такие высказывания квалифицируются как мобилизационные и оценочно-полемические, а не как утверждение необходимости агрессивных либо насильственных действий. Указанные признаки присутствуют и в анализируемых высказываниях автора.

5.2.5. Промежуточный вывод по вопросу № 2

На разрешение специалиста поставлен следующий вопрос № 2: «*Имеются ли в видеозаписи «Анти Алаудинов VS. non-исламофоб. Почему чеченцы, а не мы?» высказывания, выражющие утверждение необходимости совершения агрессивных либо насильственных действий по отношению к человеку или группе лиц, выделяемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе?*».

В ходе анализа всей видеозаписи и её текстовой транскрипции установлено, что в ряде фрагментов используются высказывания с выраженной деонтической и побудительной модальностью необходимости действий, включая образные конструкции: «эту голову надо срубить», «действовать надо... их надо остановить», «...тогда мы все горько пожалеем, что не выжгли эту раковую опухоль в зародыше» ([00:02:15] – [00:02:38], [00:08:59] – [00:09:56]).

По семантике и форме речевых актов указанные выражения задают установку на активное противодействие. Вместе с тем по критерию адресата и групповой идентификации объектом такого противодействия выступают идеологически обозначаемые категории – «национализм», «нацисты», «фашистское кодло», то есть идеология и (или) лица, отнесённые говорящим к носителям определённых политico-идеологических взглядов. В рассматриваемых высказываниях отсутствуют номинации людей или групп людей,

выделяемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе. Также не задаётся объект физического воздействия в виде конкретного лица или идентифицируемой общности; высказывания не содержат адресных инструкций, обращённых к аудитории, и не конкретизируют, какие именно действия должны быть совершены и в отношении кого именно.

Образная формула *«этую голову надо срубить»* употреблена в конструкции *«если любой поднимает голову национализма»*, что лингвистически задаёт метафорический объект (явление/тенденция), а не конкретное лицо.

Аналогично выражения *«остановить»* и *«выжечь»* в связке с *«нацисты»*, *«фашистское опухоль»* функционируют как публицистическая метафорика жёсткого пресечения опасного явления. Внутри текста не названы способы реализации (не конкретизированы действия, место, время, инструменты), а лексика носит оценочно-метафорический характер, типичный для полемической речи.

Развёрнутая метафора *«...не выжги эту раковую опухоль в зародыше»* включена в условную (прогностическую) конструкцию (*«если... тогда...»*) и описывает гипотетический сценарий негативного развития событий, а также сожаление о недостаточно раннем противодействии. В смысловом отношении она направлена на оценку идеологического явления и общественной пассивности, а не на утверждение необходимости насилия над людьми, объединёнными по национальному либо религиозному признаку.

Существенным ограничителем интерпретации указанных высказываний является прямая авторская оговорка: *«Я не зову никого ни на какие противоправные действия. Мы говорим о методах, которые укладываются в правовом поле нашей страны»* ([00:08:26] - [00:08:59]).

Дополнительно автор конкретизирует желательные формы реакции как преимущественно вербальные и публичные: *«высказаться»*, *«осудить»* *«словесно»*, *«перестать молчать»* и *«быть безмолвной массой»*, проявлять *«здоровую активность»*. Эти элементы контекста задают рамку интерпретации побудительных формул: речь разворачивается

как призыв к публичной позиции и допустимым способам защиты, а не как предписание совершить насилие.

В совокупности выявленные лингвистические признаки (характер адресата, семантика используемых выражений, модальный статус высказываний, метафоричность ключевых формул, отсутствие конкретизации насильственного действия и наличие явно сформулированных контекстных ограничителей) позволяют сделать вывод, что в анализируемой видеозаписи отсутствуют высказывания, выражающие утверждение необходимости совершения агрессивных либо насильственных действий по отношению к человеку или группе лиц, выделяемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе. Жёсткая и конфликтно окрашенная риторика в рассматриваемых фрагментах направлена на идеологические категории и сопровождается самоограничением в пользу правомерных, в том числе речевых, форм реакции.

5.3. Анализ высказываний, содержащих признаки одобрения, оправдания либо поддержки агрессивных или насильственных действий

На разрешение специалиста поставлен следующий вопрос № 3: «Имеются ли в видеозаписи «Апти Алаудинов VS. поп-исламофоб. Почему чеченцы, а не мы?» высказывания, содержащие лингвистические (речевые) признаки одобрения, оправдания либо поддержки агрессивных или насильственных действий по отношению к человеку или группе лиц, выделяемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе?»

В рамках данного вопроса подлежат выявлению и анализу фрагменты речи, в которых агрессивные или насильственные действия либо уже совершённые эпизоды насилия описываются не только как факт, но и получают оценку, способную снижать порицаемость таких действий или представлять их как допустимые. При анализе учитывается как прямая оценочная лексика (одобрение, похвала, обесценивание вреда), так и косвенные прагматические приёмы, создающие эффект оправдания или нормализации насилия.

В центре внимания находятся не призывы и не формулы долженствования (они рассматриваются в рамках вопроса № 2), а именно оценочные и модально окрашенные высказывания, позволяющие интерпретировать насилие как заслуженное, вынужденное, полезное, «понятное» или не заслуживающее осуждения. Отдельно проверяется, не сводится ли критика к обсуждению «двойных стандартов» таким образом, что сам насильственный эпизод остаётся без порицания либо получает сочувственную интерпретацию.

При ответе на вопрос № 3 проверяется наличие следующих признаков:

положительных или сочувственных оценок уже совершённых агрессивных или насильственных действий;

рационального или эмоционального оправдания таких действий (представление их как закономерной, справедливой или неизбежной реакции);

речевых формул, способных восприниматься как поддержка, одобрение или нормализация агрессии в отношении лица или группы лиц, выделяемых по указанным признакам.

Для корректной квалификации обязательно устанавливаются: (1) объект оценки (какое действие и кем совершено); (2) адресат действия (в отношении кого направлено); (3) способ групповой идентификации адресата (по полу, расе, национальности, языку, происхождению, отношению к религии либо социальной группе); (4) коммуникативная роль фрагмента (авторская речь, цитирование, пересказ, ирония, полемическое преувеличение).

Для решения поставленной задачи используются методы семантического и прагматического анализа (значение и коммуникативная функция), контекстуального и дискурсивного анализа (учёт предшествующих и последующих реплик, логики аргументации), а также анализ модальности и оценочной лексики. Важной частью является разграничение чужой и авторской речи, поскольку цитирование агрессивных формулировок само по себе не означает их одобрения и требует проверки реакции говорящего на цитату.

Тем самым анализ в разделе 5.3 направлен на выявление не только самого упоминания насилия, но и его лингвистического сопровождения: признаков одобрения, оправдания либо поддержки, а

также установление того, относится ли такая оценка к действиям в отношении лиц или групп, выделяемых по признакам, указанным в вопросе № 3.

5.3.1. Эпизод с насильственным «увозом» и оценка реакции общества

В анализируемом материале описывается резонансный случай с насильственным увозом лица, ранее публично оскорблявшего чеченцев, дагестанцев и мусульман в целом. В самой видеозаписи фамилия не называется, однако по содержанию транскрипции видеоролика и хронологии обсуждаемых событий эпизод соотносится с общеизвестной ситуацией вокруг блогера, допускавшего грубые высказывания в адрес чеченцев и мусульман и впоследствии, по сообщениям СМИ, ставшего фигурантом уголовного дела по признакам разжигания ненависти и вражды. Для автора ролика данный персонаж представлен как инициатор оскорблений и провокаций, а не как случайная жертва.

Факт применения силы передается автором следующим образом: *«его аккуратненько так упаковали... запихнули в багажник машины» [00:05:30] - [00:06:11]*.

Лексемы «упаковали», «запихнули» описывают принудительный способ помещения человека в автомобиль и относятся к разговорной, сниженной лексике. Дополнительным pragматическим маркером является уменьшительно-смягчающее «аккуратненько», которое может снижать воспринимаемую жесткость описываемого действия и тем самым ослаблять выраженность порицания. На уровне лингвистического описания это позволяет квалифицировать ситуацию как эпизод с применением физического принуждения в отношении лица, ранее оскорблявшего мусульман. Вместе с тем автор не формулирует прямой оценки правомерности или неправомерности действий и не использует явных формул одобрения вида «так и надо», «правильно сделали» и т.п.

Далее автор Гнеев воспроизводит иронически окрашенную реакцию части аудитории: *«А какие плохие чеченцы укради человека. Ай, беспредел. Ну да»*. По структуре высказывания это пример передачи чужой позиции с последующим её обесцениванием: сначала звучит обвинительная формула (*«какие плохие чеченцы укради*

человека», «беспредел»), затем финальное «*Ну да*» оформляет саркастическую, скептическую оценку одностороннего возмущения. Прагматически автор не столько поддерживает сам силовой эпизод, сколько переводит фокус на избирательность общественной реакции и на игнорирование исходных оскорблений в адрес мусульман.

С учетом того, что в публичном дискурсе упомянутый блогер фигурировал как инициатор конфликтной ситуации, данный фон может усиливать восприятие эпизода как «ответа» на оскорблении. Однако для лингвистического исследования существенным является не правовая квалификация действий сторон и не оценка законности задержания либо лишения свободы. Предмет анализа в рамках вопроса № 3 - то, какие оценочные и модальные элементы сопровождают описание насильственного эпизода в речи автора и создают ли они эффект одобрения, оправдания или поддержки.

Семантически и прагматически рассматриваемый фрагмент демонстрирует смещение акцента: основной объект критики - не сам факт применения силы, а «двойные стандарты» в оценке произошедшего, когда общественное осуждение адресуется исполнителям («чеченцы»), но не соотносится с предшествующими оскорблением мусульман и разжигающей риторикой. Такая подача способна снижать степень явного порицания силового эпизода и повышает риск интерпретации высказывания как частичного оправдания «жесткого ответа» на оскорблении. Вместе с тем в тексте отсутствуют прямые лингвистические признаки позитивной оценки насилия как нормы или социально одобряемого способа реагирования: не фиксируются формулы правильности/должности совершенного действия, не задается модель «так можно» или «так следует поступать».

С точки зрения поставленного вопроса № 3 данный фрагмент фиксирует преимущественно полемическую и ироническую оценку общественной реакции и актуализацию темы воспринимаемой несправедливости по отношению к мусульманам и чеченцам. Прямых речевых (лингвистических) признаков одобрения, оправдания либо поддержки агрессивных или насильственных действий *именно в отношении человека либо группы лиц, выделяемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии*

либо принадлежности к какой-либо социальной группе, в рассматриваемом эпизоде не выявлено.

5.3.2. Фрагменты о допустимости жесткого противодействия

В рассматриваемом фрагменте видеозаписи автор использует формулы, которые по речевой функции могут восприниматься как морально-политическое обоснование необходимости жесткого противодействия оппонентам. Для вопроса № 3 существенно не наличие побуждения как такового, а то, что подобные конструкции способны снижать порицаемость агрессивных действий и формировать представление о них как о допустимых или оправданных в конкретной ситуации.

К ключевым формулировкам относится следующий фрагмент: «*Но действовать надо, напрягать надо вот это фашистское кодло, которое распоясалось у нас дома. И их надо не только напрягать точечно, их надо остановить. Или вы хотите, чтобы у нас лет через 5-10 было так же, как в Палестине сейчас? Хотите, чтобы нас не только оскорбляли открыто по религиозному признаку, но и убивали за намаз? Уверяю вас, если нацисты возьмут власть, а не попытаются взять власть, то отсидеться не получится. Тогда мы все горько пожалеем, что не выжгли эту раковую опухоль в зародыше. Тогда мы все горько будем сожалеть, что молчали и спихнули всю ответственность на Адама Делимханова, на Апти Алаудинова, на чеченцев и так далее*» ([00:08:59] - [00:09:56]).

По модально-семантическим признакам здесь присутствует деонтическая установка на действие: повторяемое слово «надо» придает высказываниям характер долженствования, а глаголы «напрягать», «остановить» задают модель решительного противостояния. Однако с точки зрения вопроса № 3 принципиально, что эти формулы сопровождаются оценочными элементами, которые способны представлять жесткое противодействие как оправданное и предотвращающее будущую угрозу, то есть выполнять функцию нормализации жесткой реакции.

Отдельного внимания требует метафора «раковая опухоль», усиленная указанием «в зародыше». В публичистическом дискурсе такая образность обычно используется для обозначения опасного

социального или идеологического явления, которое следует пресечь на ранней стадии. В пределах данного текста она работает как аргумент: если угрозу не остановить вовремя, последствия будут тяжелыми. Именно эта аргументационная функция может восприниматься как частичное оправдание жестких мер.

При этом конструкция имеет условно-прогностическую форму: *«если нацисты возьмут власть... тогда мы все горько пожалеем...»*. То есть описывается гипотетическое будущее и сожаление о несвоевременном противодействии. В таком виде высказывание не является прямой оценкой уже совершенного насилия как хорошего или правильного, но задает риторику допустимости решительных мер как превентивной реакции.

По критерию адресата и групповой идентификации объект негативной оценки обозначен как *«нацисты»* и *«фашистское кодло»*. Эти номинации характеризуют идеологическую принадлежность и конфликтную позицию, а не пол, расу, национальность, язык, происхождение, отношение к религии либо принадлежность к социальной группе как самостоятельные основания выделения адресата. В высказывании отсутствуют формулы, в которых агрессивные действия одобряются, оправдываются или поддерживаются применительно к людям, выделяемым по защищаемым признакам.

Дополнительным контекстным ограничителем интерпретации является соседний фрагмент, где автор прямо заявляет: *«Я не зову никого ни на какие противоправные действия. Мы говорим о методах, которые укладываются в правовом поле нашей страны»* ([00:08:26] - [00:08:59]). Эта оговорка не снимает экспрессию и конфликтность речи, но задает рамку восприятия жестких метафор как полемических и образных, а не как поддержки незаконного насилия.

В лингвистическом отношении подобная аргументация относится к сфере политico-идеологического обоснования допустимости сопротивления, а не к оценке конкретных насильтвенных действий как заслуживающих одобрения или поддержки.

Таким образом, рассматриваемый блок действительно содержит элементы, которые могут восприниматься как моральное оправдание необходимости жесткого противодействия (в смысле

допустимости решительных мер) против идеологически маркируемых оппонентов. Вместе с тем в рамках вопроса № 3 не установлено речевых лингвистических признаков одобрения, оправдания либо поддержки агрессивных или насильственных действий в отношении людей или групп лиц, выделяемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к социальной группе.

5.3.3. Контекстная авторская рамка

Существенным элементом интерпретации высказываний, рассмотренных в рамках вопроса № 3, является специальная авторская оговорка, прозвучавшая в финальной части ролика: *«Я не зову никого ни на какие противоправные действия. Мы говорим о методах, которые укладываются в правовом поле нашей страны»* ([00:08:26] - [00:08:59]).

На уровне прагматического анализа данное высказывание выполняет функцию рамочного ограничения: автор явно разграничивает эмоционально резкую, метафорически насыщенную риторику и реальные допустимые способы действия. Форма отрицания (*«не зову»*) прямо отказывается от побудительного речевого акта, направленного на нарушение закона, а указание на *«методы, которые укладываются в правовом поле»* задаёт нормативный горизонт, внутри которого, по его утверждению, должны оставаться любые формы реакции на оскорблений мусульман и проявления враждебной идеологии.

В контексте ранее анализированных выражений (*«надо действовать»*, *«их надо остановить»*, *«выжечь раковую опухоль в зародыше»*) эта оговорка выступает как важный интерпретационный фильтр. Она показывает, что говорящий стремится отстроить свою позицию от прямых призывов к незаконному насилию и представить жёсткую риторику как образное, эмоциональное средство усиления аргументации, а не как инструкцию к противоправным действиям. Тем самым снижается возможность буквального прочтения метафор и деонтических формул как одобрения или поддержки насилия.

С точки зрения лингвистической экспертизы указанная рамочная формула не отменяет наличия в тексте резких и конфликтных выражений, однако существенно влияет на их модальный статус и на воспринимаемую направленность высказываний. В совокупности с

адресацией высказываний идеологическим категориям («нацисты», «фашистское кодло»), а не лицам или группам лиц, выделяемым по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе, данная оговорка позволяет квалифицировать позицию автора как ориентированную на полемическое, а не насильтственное противостояние, при декларируемой приверженности правовому полю и допустимой эмоциональной насыщенности речи.

В совокупности с отсутствием положительной оценки уже совершённых актов насилия данная рамка исключает интерпретацию анализируемых высказываний как одобрение либо поддержка агрессивных действий.

5.3.4. Промежуточный вывод по вопросу № 3

На разрешение специалиста поставлен следующий вопрос № 3: «Имеются ли в видеозаписи «Апти Алаудинов VS. поп-исламофоб. Почему чеченцы, а не мы?» высказывания, содержащие речевые лингвистические признаки одобрения, оправдания либо поддержки агрессивных или насильтственных действий в отношении человека либо группы лиц, выделяемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе?».

Под речевыми лингвистическими признаками одобрения, оправдания либо поддержки в рамках настоящего вопроса понимаются оценочные формулы, модальные показатели и речевые конструкции, которые представляют насильтственное действие как допустимое, заслуженное, вынужденное, полезное или иным образом снижают его порицаемость. Само по себе упоминание насилия или пересказ чужой реакции без положительной оценки не образует признаков одобрения/поддержки.

Проведенный анализ транскрипции видеоролика показал, что в ряде фрагментов действительно присутствуют высказывания, в которых снижается степень явного порицания насильтственных эпизодов либо используется образно-метафорический язык, связанный с «жестким ответом» на оскорблении. К таким фрагментам относится описание случая с насильтственным увоздом лица, ранее оскорблявшего чеченцев, дагестанцев и мусульман: «его аккуратненько так упаковали... запихнули в багажник машины»,

сопровождаемое ироническим воспроизведением общественной реакции: *«А какие плохие чеченцы укради человека. Ай, беспредел. Ну да»* ([00:05:30]-[00:06:11]). В прагматическом плане такое построение высказывания может восприниматься как частичное смещение акцента с самого факта применения силы на избирательность общественного возмущения и, как следствие, как снижение степени открытого порицания насилия, совершенного *«в ответ»* на оскорбления. При этом в данном эпизоде отсутствуют прямые маркеры позитивной оценки насилия (формулы типа *«правильно»*, *«так и надо»*, *«молодцы»*) либо речевые конструкции, которые бы прямо нормализовали насилие как желательный способ реагирования.

Кроме того, в поздних фрагментах речи автора используются метафорические и оценочные конструкции, допускающие интерпретацию как морально-идеологическое обоснование необходимости жесткого противодействия: *«Но действовать надо, напрягать надо вот это фашистское кодло... И их надо не только напрягать точечно, их надо остановить...»*, *«если нацисты возьмут власть... тогда мы все горько пожалеем, что не выжгли эту раковую опухоль в зародыше»* ([00:08:59]-[00:09:56]). Здесь выражена деонтическая модальность (*«надо»*) и используется образ *«раковой опухоли»* как обозначение опасной идеологии, подлежащей раннему пресечению. По своей семантике эти формулы могут восприниматься как оправдание необходимости решительных, в том числе потенциально жестких мер в отношении идеологических противников. Одновременно лексический выбор и отсутствие конкретизации действия (не называется конкретный акт физического воздействия, не обозначается способ причинения вреда) позволяют трактовать эти формулы прежде всего как образный язык политической полемики.

Вместе с тем лингвистически значимыми являются следующие обстоятельства.

Во-первых, объектом негативной оценки и возможного противодействия в указанных фрагментах выступают идеологически маркированные категории - *«нацисты»*, *«фашистское кодло»*, сторонники соответствующей идеологии. В высказываниях отсутствует отсылка к полу, расе, национальности, языку, происхождению, отношению к религии либо принадлежности к какой-

либо социальной группе как критерию отнесения к данной группе, то есть адресат определяется не по этноконфессиональному, а по идеологическому признаку.

Во-вторых, в описании эпизода насилия блогера, оскорблявшего мусульман, автор не использует прямых формул одобрения насилия («*так и надо*», «*правильно сделали*» и т.п.), а концентрирует внимание на воспринимаемых им «двойных стандартах» общественной реакции, когда осуждаются действия чеченцев, но недооцениваются исходные оскорблении в адрес мусульман. Это создает эффект частичного снижения критичности к рассматриваемому силовому эпизоду, но не оформляет его в виде прямого позитивного оценочного суждения о насилии как норме или желательном способе реагирования.

В-третьих, в финальной части ролика автор вводит рамочную оговорку: «*Я не зову никого ни на какие противоправные действия. Мы говорим о методах, которые укладываются в правовом поле нашей страны*» ([00:08:26]-[00:08:59]). С pragmatischen точки зрения эта формула выполняет функцию явного ограничения: эмоционально резкая, метафорически насыщенная риторика отделяется от прямых призывов к незаконному насилию, а допустимыми декларируются только действия в рамках правового поля.

Учитывая совокупность данных факторов, можно сделать следующий промежуточный вывод по вопросу № 3. В анализируемой видеозаписи действительно присутствуют высказывания, которые в контекстуально-прагматическом плане могут восприниматься как смягчение оценки отдельных насилий эпизодов, описываемых как реакция на оскорблении, а также как морально-идеологическое обоснование необходимости жесткого противодействия идеологическим оппонентам. Однако прямых речевых формул одобрения, оправдания либо поддержки агрессивных или насилий действий именно в отношении лиц или групп лиц, выделяемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе, в тексте не выявлено.

Таким образом, отвечая на поставленный вопрос № 3, следует констатировать: лингвистически значимых высказываний, которые бы прямо одобряли, оправдывали или поддерживали агрессивные либо

насильственные действия в отношении групп лиц, выделяемых по национальному, этническому, религиозному признаку либо по признакам пола, расы, языка, происхождения или принадлежности к какой-либо социальной группе, в исследуемой видеозаписи не установлено. Конфликтная риторика автора направлена на идеологически обозначенных оппонентов и сопровождается декларируемым требованием действовать в рамках правового поля.

Раздел 6. Терминологические и методологические пояснения

В настоящем разделе приводятся терминологические и методологические пояснения, необходимые для корректного понимания анализа, изложенного в разделах 5.1–5.3 настоящего экспертного заключения. Указанные пояснения не содержат самостоятельных выводов по поставленным вопросам и не подменяют собой результаты лингвистического анализа, а выполняют разъяснительную функцию.

Необходимость включения данного раздела обусловлена тем, что в ходе исследования используются специальные лингвистические понятия и аналитические категории, в том числе деонтическая и побудительная модальность, оценочная экспрессия, идеологическая номинация, метафорическая речь, разграничение авторской и цитируемой речи. В обыденном и юридическом восприятии такие термины нередко трактуются расширительно либо неточно, что может приводить к ошибочной интерпретации содержания экспертного анализа.

Настоящие пояснения направлены на уточнение того, каким образом соответствующие термины применяются именно в лингвистическом исследовании какие критерии используются для разграничения эмоционально-оценочной и конфликтной риторики и речевых актов, содержащих призывы, одобрение либо оправдание насилия; критики идеологий, политических позиций и форм публичного поведения и негативной оценки групп лиц, выделяемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к социальной группе; образной, метафорической речи и буквальных инструкций к совершению действий; воспроизведения чужих высказываний и выражения собственной авторской позиции.

Таким образом, раздел 6 предназначен для обеспечения единообразного и корректного прочтения настоящего экспертного заключения и предотвращения подмены лингвистических критериев правовыми либо бытовыми оценками, выходящими за пределы компетенции специалиста-лингвиста.

6.1. О деонтической и побудительной модальности в лингвистическом исследовании

В рамках настоящего экспертного исследования при анализе высказываний используется понятие деонтической и побудительной модальности. Под ней понимаются языковые средства, выражающие необходимость, долженствование либо побуждение к действию.

К таким средствам относятся слова и конструкции типа надо, нужно, следует, пора, необходимо, а также повелительные формы глаголов.

С точки зрения лингвистической теории и судебной экспертной практики наличие подобных модальных маркеров само по себе не свидетельствует о призывае к агрессивным либо насилиственным действиям.

Деонтическая и побудительная модальность является формально-грамматической характеристикой высказывания и широко используется в публицистической и полемической речи для выражения позиции говорящего и усиления аргументации.

Для экспертной оценки принципиальное значение имеет не сам факт употребления слов надо или нужно, а контекст высказывания в целом.

В частности, учитываются объект предполагаемого действия, характер действия, способ его представления, адресат высказывания, а также наличие либо отсутствие указаний на конкретные способы и формы реализации действия.

В лингвистической сследовании проводится различие между общей установкой на активность или противодействие и утверждением необходимости совершения конкретных агрессивных либо насилиственных действий.

В первом случае речь идет о модально-оценочной риторике публичной дискуссии. Во втором случае речь идет о речевых актах, содержащих конкретизированные указания на применение физического насилия либо иных форм принуждения.

Таким образом, деонтическая и побудительная модальность подлежит оценке только в совокупности с контекстом, адресацией и семантикой действия. Само по себе наличие модальных маркеров необходимости не является достаточным основанием для вывода о призывае к насилию.

6.2. Оценочная экспрессия и конфликтная риторика

В настоящем исследовании используется понятие оценочной экспрессии и конфликтной риторики. Под оценочной экспрессией понимаются языковые средства, выражающие эмоционально окрашенную, резкую или полемическую позицию говорящего.

Наличие экспрессивной, сниженной либо грубой лексики само по себе не свидетельствует о наличии экстремистского смысла либо о поддержке насилия.

В лингвистическом исследовании принципиально различается форма высказывания и его смысловая направленность. Экспрессивность относится к форме речевого выражения, а юридически значимым является адресат негативной оценки. Резкая или конфликтная лексика может использоваться для критики конкретных лиц, их высказываний, идеологических позиций или форм публичного поведения. В таких случаях негативная оценка не распространяется на группы лиц, выделяемые по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения или отношения к религии.

Для квалификации высказывания как унижающего достоинство группы лиц необходимо, чтобы негативная оценка была адресована именно группе, определяемой по защищаемым признакам. Также существенным является наличие обобщающих формул без ограничителей. При отсутствии указанных признаков оценочная экспрессия рассматривается как элемент полемической и конфликтной публичной речи.

Использование резкой или сниженной лексики само по себе не образует признаков одобрения, оправдания либо поддержки агрессивных или насильтственных действий.

6.3. Идеологические номинации и защищаемые группы лиц

В настоящем заключении проводится принципиальное разграничение между идеологическими номинациями и группами лиц, выделяемыми по защищаемым признакам.

Под идеологическими номинациями понимаются обозначения политических, мировоззренческих или ценностных позиций, течений и установок, таких как национализм, нацизм, фашизм и сходные категории.

Указанные номинации характеризуют идеологию, систему взглядов либо форму публичного поведения и не являются наименованием этнической, национальной, религиозной или иной социальной группы как таковой.

Критика, отрицательная оценка либо резкая полемика в адрес идеологии или ее носителей не тождественна негативной оценке группы лиц, выделяемой по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения или отношения к религии.

В лингвистическом исследовании принципиальное значение имеет способ групповой идентификации адресата. Если адресат определяется по идеологическому или поведенческому признаку, а не по защищаемым характеристикам, соответствующие высказывания не квалифицируются как унижение достоинства группы лиц по таким признакам.

Таким образом, использование в речи идеологически маркированных обозначений само по себе не свидетельствует о наличии негативной оценки либо враждебности в отношении национальных, религиозных или иных защищаемых групп.

6.4 Метафорическая и образная речь в публицистическом дискурсе

В анализируемой видеозаписи используются элементы метафорической и образной речи, характерные для публицистического и полемического дискурса.

Метафора представляет собой языковое средство образного переноса значения и используется для усиления оценки, эмоционального воздействия и наглядного представления позиции говорящего.

Выражения, содержащие образные формулы, такие как устранение опасного явления, пресечение угрозы или борьба с

негативной тенденцией, не подлежат буквальному прочтению без учета контекста.

В лингвистическом исследовании метафорическая речь разграничивается с буквальными инструкциями к действию. Наличие образных формул не означает указание на конкретный способ, средство или объект физического воздействия.

При отсутствии конкретизации действий, указаний на исполнителя, жертву, место и способ причинения вреда метафорические выражения рассматриваются как элементы оценочной и публицистической риторики, а не как утверждение необходимости насильственных действий.

Таким образом, метафорическая и образная речь подлежит интерпретации с учетом жанра, контекста и коммуникативной цели высказывания и не может оцениваться изолированно от этих факторов.

6.5 Разграничение цитирования и авторской позиции

В ходе анализа видеозаписи существенное значение имеет разграничение авторской речи и воспроизведения высказываний третьих лиц.

Цитирование либо пересказ чужих слов используется в публичном дискурсе для иллюстрации обсуждаемой позиции, критики либо анализа и не означает автоматического согласия или поддержки воспроизводимого содержания.

Для установления авторской позиции лингвистически значимыми являются реакция говорящего на цитируемое высказывание, наличие оценочных комментариев и маркеров дистанцирования.

В случае если автор сопровождает цитирование выраженной критической оценкой, осуждением либо указанием на недопустимость соответствующих формулировок, воспроизведимая речь не может рассматриваться как отражение его собственной позиции.

Таким образом, в рамках настоящего исследования негативные либо конфликтные формулы, воспроизводимые в виде цитат, квалифицируются как принадлежащие соответствующим третьим лицам, а не как авторские высказывания анализируемого лица.

6.6. Пределы компетенции лингвистической экспертизы

Настоящее исследование выполнено в пределах компетенции специалиста в области лингвистики и семантического анализа речи.

Лингвистическое исследование устанавливает наличие либо отсутствие умысла, не дает правовой квалификации деяний и не оценивает законность или незаконность действий участников описываемых событий. Предметом исследования являются языковые особенности высказываний, их семантика, прагматика, модальность, адресация и коммуникативная функция.

Все выводы настоящего исследования касаются исключительно наличия либо отсутствия лингвистических признаков негативной оценки, призывов, одобрения или оправдания насилия в тексте видеозаписи.

Оценка фактических обстоятельств, правовая квалификация и выводы о юридической ответственности выходят за пределы компетенции специалиста-лингвиста и относятся к полномочиям следственных и судебных органов

7. Заключение

Выходы настоящего независимого лингвистического исследования сформулированы на основании видеоматериала и текстовой транскрипции речевого ряда, представленных Заказчиком. Текст транскрипции сопоставлялся со звучащей речью для уточнения границ реплик, принадлежности высказываний и контекста их употребления. Ниже приводятся итоговые ответы на поставленные перед экспертом вопросы.

7.1. Итоговый ответ по вопросу № 1

Вопрос № 1: Имеются ли в видеозаписи «Анти Алаудинов VS. поп-исламофоб. Почему чеченцы, а не мы?» высказывания, содержащие негативную оценку и (или) унижение достоинства человека либо группы лиц, выделяемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе? Если да, выражено ли в видеозаписи обоснование такой оценки?

Установлено, что в видеозаписи присутствуют высказывания, содержащие признаки негативной оценки и (или) унижения

достоинства группы лиц, выделяемой по признаку отношения к религии (мусульман). При этом конфликтные формулировки исходят не от автора ролика Гнеева, а от иных лиц и представлены в материале в форме вставных фрагментов и цитируемой речи.

В частности, зафиксировано употребление в адрес мусульман уничижительной номинации «басурманская нечисть» ([00:03:01] - [00:03:31]) и цитирование проповеди, где мусульманам Москвы приписывается образ потенциальной угрозы (в том числе метафора «армия») и используется оценка ислама как «неправильной веры» ([00:00:24] - [00:01:43]).

Относительно второй части вопроса установлено, что в цитируемой речи «обоснование» негативной оценки выражено главным образом через гипотетические модели угрозы и предположения, без опоры на конкретные фактические данные. Такая аргументация не устраняет обобщающий и стигматизирующий характер соответствующих формулировок.

Собственные высказывания Гнеева в исследуемом материале не содержат признаков унижения достоинства лиц или групп по перечисленным в вопросе признакам; автор, напротив, дистанцируется от обобщающих обвинений и критически оценивает их (например: «*Осуждаем сказанное им. Фактически он назвал преступниками всех мусульман Москвы...*» [00:00:24] - [00:01:43]).

7.2. Итоговый ответ по вопросу № 2

Вопрос № 2: Имеются ли в видеозаписи «Анти Алаудинов VS. поп-исламофоб. Почему чеченцы, а не мы?» высказывания, выражающие утверждение необходимости совершения агрессивных либо насильственных действий по отношению к человеку или группе лиц, выделяемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе?

Установлено, что в видеозаписи встречаются высказывания с деонтическими маркерами необходимости действий и высокой экспрессивностью (например: «этую голову надо срубить» [00:02:15] - [00:02:42]; «действовать надо... их надо остановить» [00:08:59] - [00:09:56]).

При этом по критерию адресата и групповой идентификации указанные высказывания относятся к идеологически маркованным

категориям («национализм», «нацисты», «фашистское кодло»), а не к людям или группам, выделяемым по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения или отношения к религии. Прямых утверждений необходимости применения агрессивных либо насильственных действий по отношению к таким группам в материале не выявлено.

Существенным контекстным ограничителем является рамочная оговорка автора ролика: «*Я не зову никого ни на какие противоправные действия. Мы говорим о методах, которые укладываются в правовом поле нашей страны*» ([00:08:26] - [00:08:59]), а также уточнения о приоритетности словесной и правомерной реакции («высказаться», «осудить словесно»).

7.3. Итоговый ответ по вопросу № 3

Вопрос № 3: Имеются ли в видеозаписи «Анти Алаудинов VS. поп-исламофоб. Почему чеченцы, а не мы?» высказывания, содержащие речевые лингвистические признаки одобрения, оправдания либо поддержки агрессивных или насильственных действий в отношении человека либо группы лиц, выделяемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе?

Установлено, что в видеозаписи присутствуют фрагменты, где описание силового эпизода и полемическая оценка общественной реакции могут восприниматься как снижение степени явного порицания насилия, а также используются метафорические конструкции, допускающие интерпретацию как моральное оправдание необходимости жесткого противодействия идеологическим оппонентам.

К таким эпизодам относится описание насильственного «увоза» лица, ранее оскорблявшего чеченцев, дагестанцев и мусульман: «*его аккуратненько так упаковали... запихнули в багажник машины*» и саркастическое воспроизведение реакции «*Ай, беспредел. Ну да*» ([00:05:30] - [00:06:11]). В данном фрагменте критика направлена преимущественно на избирательность общественного возмущения, а не оформлена как прямое одобрение применения силы.

Вместе с тем в материале не выявлено прямых речевых формул одобрения, оправдания либо поддержки агрессивных или насильственных действий именно в отношении лиц или групп, выделяемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе. Резкая риторика автора относится к идеологическим обозначениям противников и сопровождается оговоркой о недопустимости противоправных действий и необходимости действовать в пределах правового поля ([00:08:26] - [00:08:59]).

Раздел 8. Использованная литература

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. - М.: Флинта; Наука, 2009.
2. Голев Н. Д. Юридическая лингвистика: проблемы и перспективы. - М.: Норма, 2007.
3. Грачёв М. А. Судебно-лингвистическая экспертиза: учебное пособие. - М.: Юрайт, 2016.
4. Гаврилова Е. Н. Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. - М.: Юрайт, 2023.
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. - М.: ЛКИ, 2008.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. - М.: ЛКИ, 2010.
7. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. - М.: Гнозис, 2008.
8. Крысин Л. П. Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. - М.: Языки славянской культуры, 2001.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. - М.: Азбуковник, 2006.
10. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь лингвистических терминов. - М.: Оникс; Мир и образование, 2008.
11. Методические рекомендации по производству судебных лингвистических экспертиз. - М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2018.

АНО «МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ «ПРАВОСУДИЕ»

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ № ЭПЗ-М3 | МОСКВА | 15.12.2025

12. ГОСТ Р 70003-2022. Судебная лингвистическая экспертиза. Термины и определения. - М.: Стандартинформ, 2022.

8. Заключение

Эксперт-исполнитель - Газиев Марат Рашидович, юрист, теолог, лингвист (ВГУ, 2001 г., гражданско-правовая специализация), Президент Международной ассоциации юристов-мусульман (МАЮМ).

Эксперт подтверждает, что заключение выполнено объективно, на основании предоставленных материалов, с использованием необходимой литературы с соблюдением научных и профессиональных стандартов.

Дата составления заключения: 15.12.2025 г.

Место составления заключения: г. Москва.

Эксперт-исполнитель:

Газиева Марат Рашидович

(подпись, печать) _____

